

СТЯЖКЕР

Дмитрий Корсак

[БЕЛОЕ НЕБО]
КЛЮЧ ОТ БЕЗДНЫ

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Корсак

Белое небо. Ключ от бездны

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсак Д.

Белое небо. Ключ от бездны / Д. Корсак — «Издательство АСТ»,
2024 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-159972-0

В Риме зверски убит турист, только что вернувшийся из забайкальской Зоны. Для расследования причин и обстоятельств, повлекших за собой это преступление, в Булганск приезжает следователь Интерпола. Он собирается найти проводника и пройти по маршруту убитого, восстановить в деталях все, что тот видел и делал на запретной территории. Странное рвение, ведь Интерпол в основном занимается бумажной работой... Или он вовсе не интерполовец?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159972-0

© Корсак Д., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Корсак

Белое небо. Ключ от бездны

*«...я увидел звезду, падающую с неба на землю,
и дан был ей ключ от кладязя бездны».*

Откр. 9:1

СТАЛКЕР

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

© Корсак Д., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Он очнулся от холода. Щиколотки и кисти рук туго стягивала липкая лента, голова кружилась, во всем теле чувствовалась слабость. Опираясь на локоть, он с трудом приподнял голову.

Темно. Воздух затхлый, застоявшийся, и в то же время откуда-то тянуло сыростью с едва уловимым запахом нечистот. «Рядом река», – догадался он.

Перекатившись на бок, он подтянул колени к животу. Рука нащупала выдавленные в камне буквы.

После нескольких неудачных попыток удалось сесть. Теперь он разглядел низко нависающий над головой сводчатый потолок, едва различимые остатки фресок на грубо обработанных стенах, смутно белеющий в темноте мрамор надгробий. «Это кубикугла, – сообразил он, – склеп, выдолбленный в толще туфа».

Виднеющаяся впереди полукруглая арка вела в низкий коридор с прямоугольными нишами вдоль стен – локулами, в которых первые христиане хранили останки усопших. Из глубины этого прохода пробивался скудный свет, и он приближался.

Это определено римские катакомбы, но как он оказался здесь? Кто принес его в подземелье и положил на надгробную плиту? В памяти остался лишь тот момент, когда рот ему зажала чья-то рука, потом – укол и осознание, что тело перестало слушаться.

И где именно он находится? Лабиринт, насколько ему было известно, тянулся под Римом на сотню километров, настоящий подземный город со своими улицами и строениями. Некстати

всплыло в голове латинское соemeterium – покои, усыпальницы, так римляне называли подземелье, термин «катакомбы» им был неизвестен.

– Эй! Есть тут кто-нибудь? – Голос дрогнул, вопрос прозвучал жалобно, трусливо.

– Ты нашел Ключ? – раздался незнакомый мужской голос.

Послышались приближающиеся шаги.

Мысли пленника испуганно заметались.

– Я не понимаю, о чем вы, – жалобно промямлил он.

Тень в коридоре поднялась, выросла и растворилась в сумраке. Связанный человек почувствовал рядом с собой движение воздуха, над ним навис темный силуэт, а потом резкая боль обожгла стопу – кто-то вонзил в ногу нож.

Крик допрашиваемого захлебнулся после того, как второй удар ножа оставил глубокий порез на его груди.

– Тебя здесь никто не услышит.

Он и сам уже понял, что рассчитывать на помощь не стоит. Наверняка его принесли в отдаленный участок лабиринта, где никого не бывает.

– Итак, Ключ, – напомнил ему истязатель.

– Не понимаю, о чем вы... – еле выдавил узник, твердо решив придерживаться версии «ничего не знаю».

Мощный удар рукояткой ножа раздробил палец на правой руке.

Кричать пленник уже не мог.

– Кто вы? Что вам нужно? – еле слышно простонал он. – Я ничего не знаю, отпустите меня.

Он скорее почувствовал, чем услышал, как его мучитель наклонился к нему.

– Освежить память? Я знаю, что ты был у нее, знаю, что она рассказала тебе о Ключе, знаю, что ты только что вернулся из Зоны.

Взмах ножа – и боль скользнула по ребрам, проникла внутрь. Зато теперь стало абсолютно понятно – живым его не отпустят. Будут мучить до тех пор, пока он все не расскажет. Дальше изображать неведение было бессмысленно.

– А... – прошептал он. – Верный пес Ватикана... Всегда на страже. – Перевел дух, стараясь не стонать. – Как это символично – убить меня здесь, в том месте, где прятались от преследователей первые христиане. История сделала круг, теперь последние христиане здесь убивают тех, кто придет им на смену.

– Хватит болтать! Ты нашел Ключ? Где он?

– Ты боишься! – Улыбка пленника походила на оскал. Он не спрашивал, он утверждал. – И твой хозяин боится. Но вам уже ничто не поможет. Ваше время прошло. Две тысячи лет – это много, слишком много. Вам не остановить нас. А знаешь почему? Потому что ваш бог мертв. Давно. Он ни на что не годится, вы только обещаете и только берете, ничего не давая взамен. Воскрешение – всего лишь слова. Чудеса – их давно нет. Вы не можете даже исцелить больного. Вы не несете свет, вы погрязли в пороках и лжи. Настало наше время...

Сильный удар, и пленник замолчал навсегда.

Глава 1

Истина где-то в Зоне

1

Кабинет полковника Костюченко напоминал коридор в ночлежке Живчика – такой же длинный и узкий. Три высоких окна с вечно опущенными жалюзи, забитый папками стеклянный шкаф, стол в форме буквы «Т» с шеренгой неудобных стульев вдоль непомерно вытянутой стены. Казалось, хозяин кабинета должен выглядеть под стать помещению – высоким и худощавым, но полковник был полной противоположностью: ниже среднего роста, плотный, с солидной лысиной, круглым лицом. Форму полковник не носил, предпочитал темно-серый костюм с такой же немаркой рубашкой. Когда Костюченко, как сейчас, занимал свое место во главе стола, плечи его находились вровень с крышками двух металлических сейфов, расположенных по обе стороны от полковничьего кресла, отчего несгораемые шкафы выглядели адъютантами или телохранителями хозяина кабинета. Поговаривали, что в правом сейфе полковник хранил редкие артефакты в герметичных контейнерах, зато содержимое левого шкафа ни для кого никакого секрета не представляло – внутри на куцей стопке документов лежал наградной пистолет, рядом стояла початая бутылка «Суворова».

– Проходи, Олежек, присаживайся. – Привычным жестом Костюченко показал на стулья, один из которых был занят посетителем.

Олегу хватило короткого взгляда, чтобы срисовать незнакомца. Под пятьдесят, высокий, сухощавый, с вытянутым, похожим на лошадиное лицом и тонкими, плотно сжатыми губами – вот он смотрелся в кабинете гораздо органичнее полковника. С виду – гражданский, только не было в нем ни суетливости ученой братии, ни журналистского панибратства. Выглядел незнакомец невозмутимым, скорее, даже безучастным, на Олега не оглянулся, хотя из простого человеческого любопытства должен был. Место выбрал самое удобное, Олег обычно и сам норовил занять этот стул, когда не ожидал неприятностей. Впрочем, и когда ожидал – тоже.

– Знакомьтесь, Олег Гончар, сотрудник «Восточного Периметра», – представил Олега полковник. – А это товарищ... хотя правильнее будет господин Феликс Бучек из итальянского отделения Интерпола.

Незнакомец наконец-то удостоил вошедшего мимолетным взглядом, символически пожал протянутую руку и вновь развернулся к полковнику. Мысленно почесав затылок, Гончар нарочито громыхнул стулом и с деланным любопытством уставился на интерполовца.

– Вот товарищ... господин Бучек просит нашей помощи. – Полковник переложил папку с бумагами на другой конец стола. – Надо найти сталкера, который сопровождал в Зону одного любителя приключений где-то с неделю назад. Ты же сам понимаешь, с чужаком эта братия и рта не раскроет.

Олег кивнул, соглашаясь. Сталкеры всегда отличались подозрительностью, а после того, как власти закрутили гайки, совсем ушли в тень. К любому новому человеку теперь в Булганске относились с предубеждением, так что никто откровенничать с незнакомцем не стал бы.

– И как зовут этого сталкера? – спросил Гончар.

– М-м... Вот это как раз и нужно выяснить.

– Что же ваш турист не удосужился у проводника имя спросить?

Полковник развел руками и вопросительно уставился на Бучека. Тот молчал.

– Мне нужно знать, – надавил Гончар, – иначе как я буду разговаривать с людьми?

– Он убит. – Интерполовец наконец соизволил разжать губы, голос у него был тихий, даже вкрадчивый. Гость достал из внутреннего кармана куртки смартфон, нашел фото и положил гаджет перед Олегом. – Не встречали?

С фотографии на Гончара смотрел мужчина лет на десять моложе его самого. Видимо, фото было взято с документов – человек выглядел немного напряженным, так всегда бывает, когда фотограф долго возится с аппаратом. Темные волосы разделены на прямой пробор, брови чуть приподняты, словно в удивлении. «Идеалист, – неожиданно для себя подумал Олег. – Оторванный от мира идеалист. Такие, как он, идут в Зону не за хабаром, такие мир хотят перевернуть».

– Не встречал, – сказал он, возвращая смартфон Бучеку. – А должен?

– Этот человек провел в Булганске какое-то время. Сколько обычно длится поиск проводника и подготовка снаряжения? День? Три?

– По-разному, – уклончиво ответил Гончар. – Для кого-то и пары часов хватит, а некоторые – и за неделю не управятся. Только ведь убили его не в Булганске и даже не в России, раз Интерпол в деле. Так при чем тут сталкеры?

– Есть основания считать, что его смерть связана с посещением Зоны, – уклончиво ответил гость. – Скажем так – одна из версий, которую нужно проверить.

– Думаете, артефакты с кем-то не поделил? – усмехнулся Гончар, выдав первую пришедшую в голову банальщину. – Только если бы он нашел что-то стоящее, ради чего убить можно, да поделился радостью с кем не надо, он даже до Читы бы не доехал, так на окраине Булганска и остался бы лежать.

– Как скажете.

– А если дело не в артефактах, то местные точно не при делах, их больше ничего не интересует.

– Только ведь местные, которые ни при чем, могли что-то слышать, – едва разжимая губы, возразил гость. – По крайней мере, один из них. Тот, с кем убитый провел несколько дней в Зоне. О чем-то ведь они говорили.

Олег промолчал. Да и что тут скажешь – доводы звучали логично.

– Олежек, – встрял в образовавшуюся паузу полковник. Похоже, он хотел побыстрее избавиться от свалившегося как снег на голову интерполовца. – Подсоби товарищу. – И, взглянув на гостя, добавил: – Надеюсь, все получится быстро.

Бучек кивнул и первым потянулся к выходу. Гончар тоже поднялся. По форме просьба, по факту приказ – что тут обсуждать?

– М-м-м... – Костюченко замахал рукой, призывая Олега задержаться. – У меня к тебе еще дело есть. – И, повысив голос, бросил в сутулую спину Бучека: – Это не займет много времени. Вы подождите Олега в вестибюле, в буфет зайдите, булочку с чаем скушайте.

Как только за интерполовцем закрылась дверь, лицо полковника вмиг утратило добродушное выражение. Глаза, окруженные сеточкой морщин, смотрели жестко, деловито.

– Что скажешь? – быстро спросил Костюченко.

– Всегда думал, что сотрудники Интерпола занимаются бумажной работой и по мухосранским лично не шастают, на то местная полиция есть, – заметил Гончар.

– Интерпол – контора... – Полковник изобразил в воздухе пальцами какую-то сложную фигуру, подбирая подходящее слово. – Странненькая. Вроде бы вся на виду, вроде бы занимается исключительно криминалом, а если копнуть... Кому подчиняется – непонятно, полномочия широкие. Вот, приехал из Италии, документы – серьезней некуда. Почему он не к своим пошел? Есть же Российское бюро Интерпола. А он сразу к нам. Вот и пойми, то ли Зона его интересует, то ли мы. Будет вынюхивать да копать.

Гончар пожал плечами. «Что происходит внутри “Периметра” – не моя головная боль, тут пусть Костюченко лично переживает, моя работа – в Зоне», – подумал он.

– Эх, нет у меня своего человечка в Интерполе, расспросить некого, – посетовал полковник – В МВД есть, в Следкоме есть, в военной прокуратуре, само собой, есть, а тут – никого. Даже не думал, что когда-нибудь понадобится. – Он сокрушенно покачал головой. – Ладно. Сделаем вид, будто поверили, что он преступление раскрывать приехал. Ты там поаккуратнее со сталкерами, слишком не усердствуй и не дави, но и не филонь. Нельзя, чтобы у этого типа создалось впечатление, будто мы саботируем просьбу. Все, свободен.

Полковник ослабил узел галстука и машинально растер левую половину груди, пробормотав:

– Ох, чую, обернется нам этот визит боком.

Интерполовец ждал на ступенях перед входом в Управление. Увидев Олега, молча подхватил стоявшую возле колонны спортивную сумку, потом, так же ничего не говоря, направился следом к припаркованному на стоянке старенькому джипу.

– Я позвоню по пути. Если быстро найдем сталкера, вы сможете еще успеть на вечерний автобус до Читы, – сказал Олег, доставая ключи.

– Не думаю, что автобус мне понадобится, – прозвучал спокойный ответ.

– Решили задержаться? Ну что же, Булганск – отличный городок, – съязвил, не удержавшись, Олег. – Достопримечательности на каждом шагу, и отели – сплошь «Хилтон» да «Шератон».

Бучек дернул уголком губ, показывая, что оценил шутку.

– Я не уеду, пока не поговорю с проводником, – сказал он, усаживаясь в машину. – А дальше видно будет.

Больше он не проронил ни слова.

Гончар резко выкрутил руль, сворачивая в сторону съезда. Вышло так, будто он чем-то недоволен. Впрочем, так оно и было: он ждал объяснений. Ждал и когда колесил по улицам Читы, и когда джип выехал на шоссе. Однообразный частокол высоких елей по обе стороны дороги располагал к беседе, но гость по-прежнему молчал.

Ну и черт с ним!

Олег набрал номер Паши-Эльдорадо – бывшего сталкера, с которым сдружился полгода назад.

– Здорово, Паш! Я тебе фотографию одного туриста сейчас сброшу, узнай для меня, кто водил его в Зону примерно неделю назад.

– Не вопрос. Сделаем.

Нужные слова были сказаны. «Турист» означало, что какой-то приезжий ходил в Зону в сопровождении сталкера. «Для меня» – Гончар гарантировал, что запрашиваемая информация дальше него не пойдет. Только Эльдорадо и без этих тонкостей выполнил бы просьбу.

Некогда Паша-Эльдорадо считался одним из самых удачливых сталкеров Булганска. Как и многие, ходил в Зону за хабаром, разве что был чуть смелее других, не боялся забредать ближе к центру, туда, где, по слухам, артефакты встречались гораздо чаще, но зато и ловушки попадались на каждом шагу. Да только Паша был осторожным и везучим – ни разу никуда не вляпался. А потом ему повезло по-крупному. Среди сталкеров ходили легенды, что в центре Зоны можно набрести на «эльдорадо» – место, где артефакты валяются россыпью на небольшом пятачке. Вот Паше и посчастливилось найти такой пятачок. А еще хватило ума не трезвонить о находке, чтобы свои от жадности не порешили, и по-тихому договориться с серьезными людьми. И подстраховаться, чтобы покупатель не кинул. Так Паша стал не просто богатым, а очень богатым человеком. Со сталкерством он завязал, но сколотил бригаду из вменяемых мужиков. В Булганске Пашу уважали, а некоторые и побаивались. После того как Гончар вернул ему похищенную головорезами «Меркурия» дочь, он считал себя обязанным Олегу. Впрочем, до сегодняшнего дня тот с просьбами к Эльдорадо не обращался.

– Думаю, когда приедем в Булганск, уже будем обладать нужной информацией, – заметил Олег, скосив глаза на гостя. – Вы хорошо говорите по-русски. Откуда вы? Чехия? Польша?

По-русски гость действительно говорил отлично, нужно было специально прислушиваться, чтобы уловить едва заметный акцент. Лишь единственный раз он выдал себя, произнеся «не можно» вместо «нельзя», носитель языка так никогда бы не сказал.

– Словакия, – нехотя ответил Бучек, – но живу в Италии. Европа – слишком маленькая, давно все перемешалось.

– Почему вы приехали в Булганск? Можно же было ограничиться запросом.

– Так надо.

– Убитый был итальянцем?

– Да.

Бучек замолчал, и Олег не выдержал.

– Рассказывайте! – рявкнул он.

– Не думаю, что подробности дела будут вам интересны.

Олег резко съехал на обочину и остановил машину.

– Вам нужна моя помощь или нет? Рассказывайте, – уже спокойнее произнес он.

С минуту Бучек смотрел в лобовое стекло, затем молча протянул Олегу смартфон.

Фотограф снял обнаженное тело с замотанными скотчем руками с разных ракурсов, на заднем плане в кадр попадали то берег реки, то пролет древнего моста из крупных каменных блоков, то старинные здания. Отдельно – крупный план перерезанного горла и порезов на груди. Такие раны не смертельны, но крайне болезненны и сильно кровоточат. Еще один крупный план – кисть руки с раздробленными пальцами. Кровоподтеки на теле. Лицо с пустыми глазницами.

За свою жизнь Олег достаточно повидел трупов – Зона постаралась, но от этого бескровного лица с багровыми впадинами глазниц его замутило. К чему такая жестокость? Одно дело, когда людей перемальвает Зона, бездушная и безучастная, и совсем другое, когда такое творит человек. Умом Олег понимал, что убийца – не патологический садист, что это явно следы допроса под пытками, продуманного и расчетливого, но легче от этого не становилось.

Бучек заговорил только после того, как Олег повернул ключ зажигания.

Как водится, тело нашел случайный прохожий, выгуливающий утром собаку. Труп прибило течением к опоре моста – Тибр в этом месте сильно обмелел, дно было неровным, с изрядными отложениями и накопившимся около опор мусором. По всей видимости, тело сбросили в воду ночью где-то выше по течению. Вряд ли с моста – камеры бы засекли преступника. Зато в той части Рима достаточно зданий, из подвалов которых есть выход прямо к реке, а сами подвалы соединяются с катакомбами, раскинувшимися под городом.

Личность убитого установили довольно быстро, им оказался некий Альдо Пирас тридцати лет. Родился в Перудже, десять лет назад поступил в университет и переехал в Рим. В последнее время занимал в университете должность преподавателя на факультете истории религии. Жил один, женат не был. Знакомые и коллеги отзывались о нем как о спокойном, уравновешенном, но довольно закрытом человеке. Никто из них не помнил, чтобы Пирас проявлял интерес к Зоне или даже упоминал о ней, но ведь зачем-то он туда отправился?

Десять дней назад Пирас взял двухнедельный отпуск – сказал, что хочет посмотреть Москву. Однако задерживаться там он не собирался, так как одновременно с перелетом Рим – Москва забронировал место на рейс Москва – Чита. Из Читы, как установило следствие, он сразу отправился в Булганск. В Рим вернулся через несколько дней, прилетел днем и уже ночью был убит. Домой не заходил, на работе не появлялся, видимо, убийца перехватил его практически сразу по прилете. На камерах в аэропорту видно, как Пирас сел в свою машину, благополучно доехал до центра и дальше отправился пешком. Куда – неизвестно. В старой части Рима

достаточно потаенных мест, где легко скрыться от «вездесущего ока». Телефон убитого так и не нашли, но оператор прислал список звонков, проверка которых ничего интересного не дала.

Закончив рассказ, гость замолчал и не промолвил ни слова до тех пор, пока Олег не прижался к обочине перед развилкой на окраине Булганска.

– Почему мы остановились? – поинтересовался Феликс.

– Потому что, если замешаны люди Эльдорадо, нам направо, если они не при делах, то налево, будем прочесывать один сталкерский бар за другим, пока что-нибудь не узнаем.

– Так в чем проблема? Поехали сначала к вашему Эльдорадо. Если там ничего не узнаем, отправимся дальше.

– Проблема в том, что прямо, метрах в пятистах впереди, закусовая, где отлично готовят свиные ребра на гриле, – вздохнул Гончар.

Уголки губ гостя едва заметно дрогнули, а потом он огорошил внезапным вопросом:

– Олег, вы верующий?

– Ну и вопрос! – Гончар покрутил шеей, словно ему жал воротник. – Даже не знаю, как и ответить. Наверное, все-таки атеист.

– Правда, что сталкеры обожествляют Зону? Говорят, почти новую религию создали. Считают, будто бы Зона может выполнять желания, карать и одаривать.

– Не слышал. Сталкеры скорее суеверны, чем религиозны. Верят в приметы, обереги мастерят. Зона – локальное образование, живущее по своим законам, к людям она совершенно равнодушна. В ней много страшного, непонятного, чужеродного, но гибнут в Зоне одинаково и праведники, и грешники. Во что тут верить?

В салоне джипа вновь повисло молчание. Олег уже хотел буркнуть стандартное: «Мент родился», – но тут зазвонил его смартфон.

– Это не мои, – ответила трубка голосом Эльдорадо. – Мои твоего туриста в Зону не водили, но неделю назад Заяц видел его в баре у Живчика. Он вроде бы проводника искал. А вчера о туристе расспрашивал какой-то тип. Долговязый такой крючок, похож на грустного мерина. – Внешность Бучека Эльдорадо описал довольно точно.

Получается, сначала интерполовец думал справиться своими силами. Мог бы и сказать.

– Понятно. Спасибо, – буркнул Гончар и повернулся к гостю. – С Эльдорадо мимо, едем в бар, где видели убитого. Или все-таки ребра?..

– В бар.

Так уж сложилось, что с самого момента появления Зоны все связанные с ней вопросы решались в барах. Расхожая фраза «без поллитры не понять» в Булганске употреблялась в самом что ни на есть прямом смысле. Даже военные поначалу предпочитали обкатать проблему за кружкой полутемного и только потом выносить сухой остаток в кабинет начальства, так что уж говорить о сталкерах? Для них бары стали и рабочим офисом, и пунктом приема товара, и универсамом, где можно прикупить снаряжение.

Для туристов в Булганске работало свое заведение – нарочито яркое, с зазывающей вывеской, с настоящими картинами на стенах и пританцовывающим «лакированным» барменом за стойкой. Картины были написаны по мотивам пейзажей Зоны – говорят, хозяин бара специально гонял в Зону студентов-суриковцев. Героический сталкер, вырывающийся из рук монстра полуголую красотку, выглядел глупо, да и красотки, тем более полуголые, в Зоне не встречались. Зато Фолклендский маяк на фоне лиловых молний вышел отлично. Раньше в этом баре в поисках клиентов расставляли свои сети турфирмы, сюда в первую очередь и заходили туристы, но уже несколько месяцев, как все подобные организации ликвидировали.

Были в Булганске и совсем другие питейные заведения – гораздо скромнее, гораздо темнее и гораздо ближе к Зоне. Здесь собирались люди, имеющие к ней непосредственное отношение – сталкеры, посредники, скупщики хабара. В таких местах обсуждали будущие рейды, собирали команды, подводили итоги. В центре зала обмывали успешное возвращение, радова-

лись добытым артефактам, а еще больше тому, что остались живы. Места возле стен, в тени, занимали те, кто еще только планировал вылазку, или те, кто хотел без лишних ушей сторговаться с посредником. Именно в такой бар и отправился Пирас. Последние десять лет заведением владел Живчик. Тот еще барыга.

Владения Живчика располагались в здании бывшей фабрики на окраине города. На первом этаже, где раньше находились фабричное управление и столовая, теперь разместился бар. На втором этаже можно было вполне прилично экипироваться перед выходом в Зону. Третий этаж Живчик отвел под ночлежку, нарезав клетушки перегородками из гипсокартона. Снять каморку на ночь или перекантоваться между рейдами – всегда пожалуйста, были бы деньги. В подвале, за массивной стальной дверью, обитал сам барыга. Там он хранил свое добро, там же принимал особо важных гостей, которые не хотели светить лицом перед сталкерами, там же разбирались с провинившимися. Поговаривали, что из подвала до самой Зоны идет подземный ход, но, конечно же, ввали – это была всего лишь местная легенда. Одна из многих.

К Живчику Гончар отправился один, Бучек остался ждать в машине – если уж не получилось вчера разговора, то не стоит пытаться и сейчас. Оглядев зал и поймав несколько опасных и не сильно дружественных взглядов, Олег выбрал место за стойкой. «Гадают, по чью душу явился», – усмехнулся он про себя. Появление в баре сотрудника «Восточного Периметра» как минимум сулило неудобные вопросы, а то и разбирательство с выяснением обстоятельств и выявлением причастных. И в то же время сами сталкеры, чуть что, поджав хвосты бежали к «Восточному Периметру» за помощью.

– Не помнишь такого? – Олег выложил на стойку смартфон.

Бармен мазнул взглядом по фотографии Пираса и нехотя кивнул:

– Заходил.

– С кем общался?

Еще один быстрый взгляд, теперь уже в сторону центрального стола, за которым шел оживленный разговор, изрядно подогретый спиртным.

– С Лохматым.

Гончар досадливо скривился.

С Лохматым отношения у него складывались хуже некуда. Мало того, что сталкер слыл человеком склочным, так еще «Восточный Периметр» – организацию, в которой работал Гончар, – ненавидел всей своей мелкой душонкой, считая главной помехой на пути к успеху. Однажды даже до стычки дошло – хорошо, быстро разняли. В другое время Олег обошел бы его стороной, но сейчас выбора не было.

– Белого неба, знатного хабара! – Гончар произнес стандартное приветствие.

– Мирной Зоны, – прозвучал осторожный ответ. – Садись с нами.

– Псам-охранителям с честными сталкерами за одним столом нет места, – проворчал Лохматый, повернув к Олегу абсолютно лысую голову. Его благодушную расслабленность как рукой сняло, он аж побагровел от нахлынувшей злобы.

– Да ладно тебе, Олег – нормальный мужик, – нерешительно возразили Лохматому. Тот презрительно рыгнул.

– Спасибо за приглашение, в другой раз, – нашелся Гончар. – Мне только один момент прояснить.

Олег положил на стол телефон с фотографией убитого. На Лохматого он старался не смотреть.

– Мужики, никто чувачка не видел?

С разных концов стола послышалось нестройное:

– Вроде нет.

– А кто это?

– Случилось что?

Лохматый мельком взглянул на фото и, хотя в глазах промелькнуло узнавание, промолчал.

– Случилось, – вздохнул Олег. – Ходил в Зону, вернулся, а потом нашли убитым.

Лысый молча пил пиво. «Нет, не скажет он ничего, хотя, похоже, что-то знает», – понял Гончар.

Идея пришла в голову внезапно.

Он убрал смартфон и подпустив разочарование в голос, заметил:

– Хотя зря я вас спрашиваю, говорят, парень в проводники искал самого лучшего сталкера в Булганске.

Демонстративно отвернувшись, Лохматый по-прежнему молчал.

– Съезжу-ка я лучше к Эльдорадо, – добил его хитрый Гончар.

– Когда это Пашка был лучшим?! – взревел лысый, грохнув по столу кружкой. – Ну, искал этот фраер проводника, деньги хорошие предлагал, да только не нужны мне замороки с туристами, вечно с ними какая-то хрень приключается. – И добавил уже спокойнее: – Он с Косорылым сговорился.

– Спасибо, Лохматый, что бы я без тебя делал, – усмехнулся Олег и направился к выходу.

– Узнал что-нибудь? – спросил Бучек, когда Гончар опустился на сиденье джипа.

Олег кивнул, заводя машину.

– Куда теперь? – поинтересовался интерполовец.

– Навестим сталкера, с которым убитый разговаривал в баре. Он либо в Зоне, либо у себя. Если в Зоне, то поиски заканчиваем, а если дома – что-то да узнаем.

Толик Косорылый обитал в двух кварталах от бара Живчика, но Олег поехал круглым путем – хотел посмотреть, какое впечатление на Бучека произведет Булганск. Вернее, та часть города, до которой в свое время дотянулась Аномалия.

Начало Булганску дала железнодорожная станция Забайкальской железной дороги. Городок недавно разменял первую сотню лет, из которых последние лет тридцать только чах и хирел. Жизнь здесь остановилась – не нужен оказался Булганск обновленной России. Даже достроить спорткомплекс «Динамо» – последнее из новых здание города – толком не смогли, Эльдорадо со своими ребятами его доводил до ума. Правда, уже в качестве своей базы. Большинство жилых домов Булганска еще помнили Хрущева, «брежневки» до сих пор здесь считались новостроем. В старой части города, возле вокзала, сохранилось несколько довоенных бараков. Их покосившиеся от времени деревянные фасады на фоне величественного здания вокзала казались совсем ветхими и убогими. Даже в запущенном виде вокзал выглядел солидно. Хорошо, что Аномалия обошла его стороной.

Зато постройкам, попавшим под гравитационный удар, пришлось тяжело. Дома в эпицентре не просто разрушились, а смялись. Развалины походили на разбросанные по городу гигантские комки бумаги с торчащей из разрывов арматурой, в этих руинах с трудом угадывались стандартные многоэтажки. На периферии зоны удара здания устояли, но их стены чернели следами пожаров. Во дворах до сих пор ржавели остовы брошенных машин, многие выглядели искореженными и помятыми. Оставшиеся в живых после катаклизма жильцы давно съехали – не только из дома, а из Булганска вообще, опустевшие кварталы медленно, но верно подгребал под себя криминал.

Гончар специально зацепил краем заброшенный район, но интерполовец в окно не таращился и вопросов не задавал, и Олег свернул к дому Косорылого.

Отношения с Косорылым у Гончара складывались не то чтобы сложно, но как-то несимметрично. Для сталкера все получалось просто – Гончар его спас, вытащил из «расколотки», а значит, он, Толик, обязан ему по гроб жизни. Но Олег чувствовал себя в какой-то мере ответственным за увечье Толика, поскольку в «расколотку» того загнали сотрудники «Периметра».

Прозвище Косорылого вполне соответствовало его внешности – кожу на голове стянуло так, что лицо съехало на сторону и, казалось, целиком стремилось к мочке уха. Впрочем, и без своего дефекта он не считался красавцем – весь сморщенный, усохший, вечно в каком-то рванье. Конечно, и другие сталкеры одевались не в бутиках, но даже среди них Толик выглядел оборванцем. Зимой и летом он ходил в одной и той же хламиде грязно-зеленого цвета. Разве что летом под нее надевал футболку, а зимой – утепленный армейский комбез, явно снятый с чужого плеча. Однако хламида служила Косорылому исправно – не раз Олег видел, как Толик буквально растворялся в лесу, сливаясь с пейзажем до полной неразличимости.

Сейчас на Толике болталась растянутая майка, давно не чесанные волосы торчали в разные стороны. Олегу он вроде бы обрадовался, хотя приглашать в свое логово не спешил, пришлось самовольно перешагнуть порог, и вообще смотрел настороженно. Вяло кивнул гостям и, распинав ногами загораживающие проход коробки, пригласил в комнату. Расчистил два облезлых табурета – на одном стояла трехлитровая банка с чем-то мутным, другой занимала странная конструкция: трупик крысы окружали болтающиеся в воздухе болты и гайки, а в центре, прямо над крысой, висел артефакт «кошачий глаз». «Неужели Косорылый решил заняться оживлением мертвых? – удивился Олег. – Вроде бы за “кошачьим глазом” такие способности не замечались».

Бучек с опаской покосился на табурет, где лежала крыса, и выбрал второй.

Косорылый долго разглядывал фотографию убитого, потом бросил вопросительный взгляд на Олега, опять посмотрел на фото и, наконец, выдал:

– Дык.

– И?

Толик слегка пожал плечами.

– Рассказывай! – потребовал Гончар.

– А нечего рассказывать, – буркнул сталкер. – Ну, стоворились. Ну, пошли в Зону. До центра доскакали комариком, потом повернули обратно.

– Он что-то конкретное искал? – быстро спросил Бучек.

– Да жаба его разберет! Покрутился немного, в развалины заглянул, на Аномалию посмотрел, но только издалека, подходить не стал, потом повернули обратно. Дошли до Булганска, там и распрощались.

Косорылый кривил и без того перекошенную физиономию, прятал глаза – явно что-то недоговаривал, – но Бучек то ли не заметил, то ли решил пока не давить.

– Вы не спрашивали, зачем он отправился в Зону? Что конкретно хотел увидеть? – поинтересовался он.

– Да не особо, – замялся Толик, запустив пятерню в волосы. – У нас ведь как – если человек хочет о себе рассказать – выслушаем, а если не рассказывает – значит, не хочет.

– Артефактами он интересовался?

– Дык... Как все, но не так чтобы.

– Что-нибудь особенное произошло, пока вы были в Зоне?

– А то! Это ведь Зона, там все время что-то происходит.

– Что именно?

– Да ничего такого, как всегда.

Дальше разговор пошел по второму кругу. Толик усиленно тупил – по какой-то причине не хотел рассказывать об этом рейде. Бучек начал терять терпение. Он вскочил и едва сдержался, чтобы не схватить сталкера за грудки.

– Завтра отправляемся в Зону тем же маршрутом! – прошипел Феликс, наклонившись к самому носу Косорылого. – Ты меня след в след проведешь. Под каждый куст, под который он заглядывал, заглянешь. Каждый камень, на который его ботинок наступал, перевернешь.

«Ну надо же – в Зону он собрался», – мысленно удивился Гончар.

Косорылый задумчиво почесал нос, которому только что грозил интерполовец.

– Дык, можно и в Зону. Метнемся комариком, не вопрос, только у меня тут... Эксперимент.

– Сколько ты хочешь? Заплачу вдвойне, но чтобы завтра же вышли.

Толик задумчиво взглянул на Олега. Тот незаметно пожал плечами: мол, думай сам.

– Ладно, – решил Косорылый. – По рукам.

Они с Бучеком заговорили об экипировке, а Гончар вышел на лестницу – не хотел, чтобы интерполовец слышал разговор с полковником.

– Нашли проводника? – быстро осведомился Костюченко, едва в трубке раздался голос Олега.

– Нашли. Косорылый.

– И что он?

– Отмораживается. Никаких подробностей.

– А что наш комиссар Мегрэ?

– Да разве ж это комиссар, – с досадой буркнул Гончар. – Рэмбо на минималках, Джон Макклейн сраный. На подвиги его потянуло. Я, главное, не понимаю – зачем он в Зону-то рвется? Что он там найти хочет?

– Может, думает, раз с первого раза откровенного разговора с проводником не получилось, за пару дней язык у Косорылого развяжется.

– Может, и так, – согласился Гончар.

– А давай-ка ты, Олежек, тоже в Зону сгоняешь. Приглядишь за ними, мало ли. Я КПП предупрежу насчет вас, чтобы не задерживали. Ну, что скажешь?

А что тут можно сказать, если начальство уже распорядилось. Только обрадовать Толика. Но Косорылый вдруг заартачился.

– Через КПП не пойду, не хочу свою рожу светить, – уперся он и виновато взглянул на Олега – понимал, что Гончар тайком в Зону не полезет, пойдет легально, а значит, придется встречаться там, в Зоне, что получалось далеко не всегда.

«Да тебя на КПП как облупленного знают!» – хотел возразить Олег, но махнул рукой.

Косорылого неожиданно поддержал Бучек:

– Давайте все сделаем так, как неделю назад. Вы же тогда не через КПП шли? Пойдем тем же маршрутом.

Сдвинув в сторону кружки с остатками чая, Толик разложил на столе карту.

Полчаса ушло на то, чтобы выбрать место встречи. Олег предложил точку перед мостом с пространственно-временной аномалией – перед его проходом по-любому нужен отдых, но Косорылый категорично покачал головой:

– Забудь про мост. Мы шли по льду у старой плотины.

И, предвидя не успевший прозвучать вопрос: «Зачем такой крюк было делать?» – пояснил:

– Кирдык мосту с аномалией – досталось ему осенью, доски совсем сгнили.

– Лед, небось, уже тонкий, – заметил Олег.

– Тады ой, придется через плотину, – подвел итог Косорылый.

Бучек в разговор не вмешивался, но, казалось, впитывал каждое слово. «Интересно, откуда он так хорошо знает русский язык? – подумал Гончар. – Даже если учил в школе – в его детстве все учили, – то без практики уже должен бы забыть».

– Одежку надо другую справить. – Косорылый кивнул на городские хайкеры интерполовца. – А то у вас ботиночки на тонкой подошве.

Бучек удивленно посмотрел на свои ботинки и перевел растерянный взгляд на сталкера.

– Вроде нормальные ботинки, трекинговые, – произнес он. «Иронию судьбы» словак явно не смотрел.

– Все правильно, – поддержал сталкера Олег. – Как минимум нужны термобелье, мембрана. И не смотрите, что днем тепло, – ночью морозит, и сильно. Еще нужен удобный рюкзак, не с сумкой же вы пойдете.

– Я разберусь, – буркнул Косорылый. – Сейчас сгоняем к Живчику.

– Лучше к Паше, он хоть дерьмом не торгует, – подсказал Олег.

– У Паши дороже встанет, – авторитетно возразил Толик и повернулся к словаку: – Деньги есть?

Бучек показал «Визу».

Толик закатил глаза.

– Эх, Европа! – пробормотал он и потянулся за курткой. – Разве же это деньги? Живчик твою карточку разве что в задницу засунуть может, больше некуда.

Бучек подошел к Олегу.

– Получается, теперь мы с вами увидимся уже в Зоне?

Гончар изобразил вежливую улыбку:

– Надеюсь, не разминемся.

Вышли они вместе. Гончар проводил взглядом две фигуры – высокую Бучека и едва достающего ему до плеча Толика – и уселся за руль. В голове настойчиво крутилась одна мысль: «Вот и кончились мои каникулы».

В Зоне Олег не был почти полгода, если точнее – пять месяцев и двенадцать дней. Как вывел в середине октября на Большую землю Катюку с Филиппом, так больше и не ходил, а если предлагали – выдумывал какой-нибудь предлог для отказа. Тех полутора месяцев, в течение которых он почти безвылазно просидел на метеостанции – дочь караулил, пока она Аните компанию составляла, – ему хватило с лихвой. У него тогда прожитый день за неделю шел, если не за месяц – столько нервов забрал. Раз в три дня бегом до КПП – забрать вещи и продукты, которые привозил Косорылый, отчитаться по телефону перед начальством, позвонить двум издерганным женщинам, считающим его самым большим негодяем на Земле, и метнуться обратно.

Дочку он не торопил. Как пообещал, что будет ждать столько, сколько потребуется, так и держал слово. Понимал, что Аните нужно время, чтобы восстановиться. Да и Катюхе тоже. Еще неизвестно, кто из них больше нуждался в отдыхе. Анита – все-таки взрослый человек, за восемнадцать лет привыкла к своему странному одиночеству, а Катюке в ее шестнадцать досталось не по годам. Навалилось разом – и местные отморозки, и головорезы «Меркурия», и Зона с ее причудами. И дождался – в первых числах октября, когда ночами земля уже начала покрываться инеем, Катя собралась домой. «Анита сказала, что дальше справится без нас», – коротко объяснила Катя, но Олег подозревал, что не только в Аните было дело. Скорее всего, Филипп заскучал по привычной и комфортной Европе.

Олег довел ребят до КПП, где их уже ждали вертолет и джип, рядом с которыми нервничали брюнетка и блондинка. Женщины молча разобрали детей, глянули недобро на Олега и, не прощаясь, разошлись в разные стороны. Блондинка с Катей – к джипу, который направился в Булганск, брюнетка с Филиппом – к вертолету, взявшему курс на читинский аэропорт.

Через пару дней, отчитавшись перед полковником Костюченко, Олег навестил Катю дома в Иркутске. Тем же вечером нашел Дюбеля с его прилипалами и простыми словами объяснил, как себя вести. Мартине он решился позвонить лишь спустя несколько дней, но нарвался на ледяную холодность.

– Как Филипп? – спросил он тогда.

– Нормально, можешь осведомиться у дочери, они каждый день в «Телеграме» общаются.

– А ты как?

– Я тоже нормально.

Вот и весь разговор.

Как-то теперь его встретит Зона?

По дороге домой Олег заехал в контору подновить аптечку, в гастрономе закупился тушенкой, галетами и прочей снедью. Дома первым делом позвонил Кате, но разговора не получилось – дочка куда-то убежала. Снял с антресолей рюкзак и большую коробку, в которой хранил шмот. Быстро уложил все необходимое и вдруг поймал себя на мысли, что не чувствует привычного волнения. Раньше накануне выхода его чуть ли не трясло от напряжения, до самоуверения доходило, чтобы успокоиться, а сейчас – никаких эмоций.

Рюкзак отправился в коридор, к приготовленным на завтра берцам и куртке с эмблемой «Восточного Периметра». Настало время заняться вопросом, который Олег так и не смог для себя решить за все восемнадцать лет, что ходил в Зону. На стол легли два ножа: мощный тяжелый фултанг и легкая аккуратная финка – классическая пуукко. Какой выбрать? Если бы гориллы Меркулова не отняли нож, найденный на Фолклендах, Гончар пошел бы с ним. Боевые ножи он недолюбливал, сражаться ни с кем не планировал, но каждый раз слегка тосковал, вспоминая, как тот нож лежал в руке, неощутимый, словно часть тела. Он даже попытался найти похожий, побродил и по магазинам, и по мастерским, пару раз говорил с Пашиными орлами, но ничего подобного так и не встретил.

Сейчас перед ним лежали два ножа. Один мощный, неприхотливый, матовый, с рукоятью, оплетенной паракордом. Второй – легкий, полированный, изящный, рукоятка из карельской березы. Нож нужен в Зоне всегда, но какой? Каждый раз, когда он брал любой из них, приходилось жалеть, что нет другого. А когда брал оба – то получалось, что один таскал зря. Угадать ни разу не получилось. Или это Зона так над ним подшучивала?

Внезапно пришла в голову мысль: вот если бы он решил придумать имена ножам, то фултанг точно получил бы мужское имя, а пуукко – женское. С женщинами у Олега в последнее время ладилось не особо, и в коридор к собранным вещам отправился надежный и самоуверенный фултанг.

Теперь на очереди стоял вопрос с арбалетом. Брать или не брать? С одной стороны, никаких особых конфликтов не предвиделось, а с другой – убили же за что-то итальянца. Вдруг и правда ниточки тянутся в Зону, а он сейчас сдуру начнет за них дергать. Гончар повертел в руках арбалет, вспомнил Арчи Гудвина, который никогда не выходил из дома без оружия, если дело касалось убийства¹ (только вчера дочитал роман), и положил арбалет к вещам.

Пока Олег собирался, за окном стемнело. Залитая ярким электрическим светом небольшая чистенькая кухонька вдруг показалась частью какого-то другого мира – стабильного и понятного. Помаргивающая зелеными черточками цифр микроволновка, серебристый холодильник, полосатый абажур над столом – все стало неуместным: свет – слишком ярким, кафель – слишком белым, действительность – слишком нормальной. Олег понял: подсознание начало настраиваться на Зону. Аномалия, почувствовав в нем скорого гостя, уже запустила в его голову свои щупальца.

Оставалось еще одно дело.

Гончар заварил чай – сыпанул щедро, не жалея заварки, – и открыл ноутбук.

Русскоязычный интернет об убийстве Альдо Пираса ничего не знал, зато итальянский пестрел подробностями. Олег воспользовался онлайн-переводчиком, который справился с задачей на отлично. СМИ писали, что Пирас регулярно посещал Ватикан, его видели в знаменитой Ватиканской библиотеке, кто-то даже утверждал, что у него был пропуск в Ватиканский архив. Сведения выглядели интересными, но никоим образом не проливали свет на мотив убийства. Однако досужие журналисты умудрились провести параллели с другим преступлением, произошедшим незадолго до гибели Пираса: в садах Ватикана была убита монахиня. Убита жестоко, женщину явно пытали.

¹ Отсылка к серии романов Рекса Стаута про Ниро Вульфа.

Оказалось, что накануне убийства монахини у Пираса был заказан пропуск в сад, камеры засняли его на входе. Допросить Альдо не успели – власти Ватикана не торопились с расследованием, да и вообще похоже было, что они скорее готовы замять дело, нежели дать ему ход, – а затем он отбыл в Москву.

Узнать какие-либо подробности Олегу не удалось, прошлое убитой монахини оказалось покрыто мраком. Крошечная обитель, к которой принадлежала монахиня, располагалась в садах Ватикана и славилась весьма строгими правилами. Сестры полностью изолировали себя от внешнего мира, отказались от современных технологий и приняли обет молчания. Они никогда не покидали садов Ватикана, их лица были постоянно скрыты покрывалом.

Олег и сам не понимал, почему он с такой дотошностью искал информацию. Интуитивно он чувствовал: эти преступления связаны между собой. А еще откуда-то пришло знание: вскоре и он сам будет иметь к ним отношение. Да только не верил он ни в интуицию, ни в инсайды. Это все Зона, ее проделки.

Гончар захлопнул крышку ноутбука, встал, собрался было выключить свет, но зацепился взглядом за кухонный стол. Прямо посередине белого прямоугольника лежала финка. Изящная форма, переливающиеся по лезвию отблески света, тонкий рисунок карельской березы на рукояти – отточенное столетиями совершенство. Заброшенная и несчастная, пуукко словно обиженно отвернулась от хозяина. Олег вздохнул, нацепил на ремень ножны, вложил финку. Всегда так с женщинами: вечно провоцируют на дурацкий поступок. Вот, пожалуйста – обвешался железом, как первоход. Два ножа, арбалет – ну куда все это?..

2

Ранним утром, когда еще толком не рассвело, Гончар был на КПП. За последние полгода здесь многое изменилось. Здание КПП оснастили мощной антенной, и теперь она горделиво возвышалась на крыше. К двухэтажному кирпичному корпусу, где размещался личный состав, пристроили флигель, заново заасфальтировали вертолетную площадку, обновили подъезд со стороны дороги. В пару к старой смотровой вышке добавили вторую – с утепленной бронированной кабиной. Теперь две группы ярких прожекторов смотрели на ворота и на дорогу, ведущую к городу. А самое главное – поставили новые четырехметровые ворота, стальные, с автоматическим запором и блокиратором, и нарастили прилегающую к ним бетонную стену. Но если ворота изготовил лучший в мире производитель банковских хранилищ, то над стеной поработали местные умельцы – неровности и наплывы виднелись повсюду.

Гончар оставил машину на стоянке, рядом с казенным уазиком и парой новеньких джипов с эмблемой «Восточного Периметра», и с удивлением уставился на странного вида шестиколесник, отдаленно похожий на квадроцикл «Аутлендер бхб».

– Это что у вас за монстр?

– Этот? – вышедший навстречу Олегу сержант Бахаев кивнул в сторону «Аутлендера». – С неба свалился.

И, ухмыльнувшись, пояснил:

– В прямом смысле. «Западный Периметр» прогнул Меркулова на новые источники энергии...

– А он так прямо и отдал? – недоверчиво хмыкнул Олег.

– Ага, – расплылся в улыбке Бахаев, отчего его по-восточному узкие глаза превратились в пару штрихов. – После того тарарама, что он в Зоне устроил, ему только и оставалось, что платить и каяться. Но ты дальше слушай. «Западники» собрали двигатель, поставили на квадроцикл и приступили к испытаниям в естественной среде. – Тут Бахаев коротко хихикнул. – Да только погонять по Фолклендам удалось всего сутки – напоролись на телепорт и провалились в Забайкалье. Ребята Паши-Эльдорадо потом этих шумахеров до нашего КПП на малом ходу

довезли, сами бы они из тайги ни за что не выбрались. Теперь здесь стоит, не отправлять же его на другой конец земного шара. Солдатики по буферной зоне катаются – вроде как осмотр территории.

– В Зону на нем не пробовал?

– Не. – Бахаев энергично затряс головой. – Не хочу в «расколотку» на скорости влететь или на Фолкленды провалиться.

С сержантом Бахаевым Олег познакомился прошлым летом, когда вывел ребятишек из Зоны.

Гончар едва помнил тот день, наполненный какой-то безумной, иррациональной суетой. Кому и как сдавать детей? Как оформлять? Он разрывался между докладом начальству и истеричными звонками бывшей жены и постоянно натыкался на сверлящий, испепеляющий взгляд Мартины. И вот посреди этого кафкианского абсурда к нему подошел человек с сержантскими лычками, такой же вымотанный, как он сам, и тихо спросил:

– Товарищ штатский, откуда дети в Зоне? Это мы накосячили?

Информацией Олег делиться не привык, но почувствовал: этому человеку действительно важно знать, нет ли в случившемся и его вины, и ответил:

– Нет, не мы. Фолклендские скурвились.

Потом все как-то само собой уладилось. Детей накормили, уложили отдыхать. Приехал неприметный мужичок от Паши-Эльдорадо, привез с собой соцработника, почему-то в резиновых банных тапочках на босу ногу, и папку с документами, в которой нашлись все необходимые распоряжения, справки и сертификаты. Собирающийся на дембель солдатик изобразил в меру своего таланта опознавательный знак «перевозка детей», и казенный «зиллок» с кунгом повез детишек в Булганск.

Поначалу Олег только подивился обращению «товарищ штатский», а уже ближе к вечеру пришло в голову, что вопрос «откуда дети в Зоне?», такой естественный, ему задал всего один человек, простой сержант, а вот те, кого это должно интересовать по должности, так и не спросили...

Потом начались «забеги» Гончара на КПП, и понемногу он сдружился с этим основательным, спокойным человеком.

– А ты чего к нам? По делам? Или?.. – сменил тему Бахаев.

– Или, сержант, или.

Узкие глаза Бахаева широко раскрылись:

– Один?! Нельзя одному в Зону, сам знаешь! Никак нельзя!

От волнения он сбился на бурятский. Гончар разобрал только упоминание Ороолона – шамана-оборотня, подстерегающего одиноких путников.

– Не парься. – Олег успокаивающе дотронулся до плеча сержанта. – К вечеру выйду к реке, дальше пойдем уже с Косорылым. Кстати, надо бы узнать, как у него дела.

Увидев в руках Олега смартфон, Бахаев тактично отошел в сторону.

За судьбу Косорылого Олег не беспокоился – чай, не мальчик, как-нибудь справится. Просто здесь, на КПП, оставалась последняя возможность синхронизировать действия, в Зоне связи не будет.

Толик ответил после первого гудка – явно ждал звонка.

– У нас все отлично, – хмуро отозвался он.

Что-то не похоже, подумал Олег, но делиться наблюдением не стал.

– Вы где? – спросил он.

– Подошли к коллектору. Ждем, когда вертолет уберется.

Вдалеке действительно слышался приближающийся шум винтов – последние полгода патрулирование периметра стало нормой.

В голосе Косорылого слышалась досада, и Гончар понимал почему. Вход в Зону через ворота сталкерам всегда был заказан. Да только раньше отойди чуть в сторону и перелезай через стену, а если в Зоне совсем припечет, то обратно можно и через ворота. Пожурят немного, административку выпишут и отпустят. А сейчас – как крыс в коллектор загнали. Через забор даже совсем отморозенные не решались.

Заброшенный коллектор – трубу диаметром чуть меньше человеческого роста – проложили еще в советское время, когда собирались построить какой-то секретный завод. Но не построили, успели лишь залить фундамент, который теперь топорщился бесполезными сваями. А когда шестиугольник Зоны накрыл тайгу, выход из коллектора вместе со строительной площадкой оказался внутри Зоны, а вход – за ее пределами.

Гончар до сих пор гадал, знал ли Бахаев о коллекторе или нет? Скорее всего, знал и молчал. Потому что никому от этого знания лучше не будет. Перекроют коллектор – сталкеры другую дыру найдут, только лишнюю злобу затаят. Не могут они без Зоны, уже не могут.

– Я тоже сейчас двинусь, только дела на КПП улажу, – сказал Гончар. – Встречаемся как договорились?

– Да, все в силе, – подтвердил Толик.

– Понял. Отбой.

Закончив разговор, Олег направился в «контору».

Глядя на его размеренную походку, Бахаев отметил: за полгода, что они не виделись, Гончар почти не изменился, даже седины на висках почти не прибавилось, разве что стал спокойнее. Когда дочка в Зоне находилась, на нем лица не было. Дерганый был, злой, поднеси спичку – взорвется. Бахаев до сих пор не понимал, как относиться к поступку Олега. Отправить собственного ребенка в неизвестность, в иной мир – чтобы решиться на такое, нужно быть очень сильным человеком. Или равнодушным. Или понимать что-то такое, чего все остальные не понимают.

В «конторе» Олег заполнил маршрутный лист, расписался в журнале за инструктаж – чистая формальность, никто инструктировать его не собирался. С удивлением глянул на новенькие мониторы на столах. Поделенные на шесть частей экраны демонстрировали участок стены. Он уже хотел спросить, зачем несколько раз дублировать одну и ту же картинку, но потом сообразил: мониторы показывали разные локации. На одном из экранов изображение двигалось. С вертолета снимали, догадался Гончар.

Дежурный, заметив постороннего, быстро свернул экран, на котором космический фрегат обстреливал летающую тарелку, но, узнав Олега, расслабился и вновь загрузил игрушку.

Закончив с делами, Гончар наскоро выкурил непрременную перед выходом в Зону сигарету и попрощался с сержантом. Бахаев схватил протянутую руку и что-то забормотал на родном языке. Потом расстроено покачал головой и побежал к вышке.

Ворота с натужным скрипом отъехали в сторону, образовав небольшой проем – ровно столько, сколько нужно, чтобы пройти одному человеку. Но настоящая Зона начиналась не сразу за воротами – метров сто было отведено под буферную зону, или Чистилище, как ее иногда называли сталкеры.

Уходивших в Зону Бахаев всегда провожал с вышки. Отсюда граница Зоны выглядела сплошным белым маревом, стеной плотного тумана, скрывшего и забайкальский лес, и небо над головой. Бахаев знал, что там, за стеной, тайга, там растут сосны и ели, водятся лисы и волки, течет река, весной цветет багульник. Но обо всем этом он знал по рассказам других – тех, кто *мог* переступить границу. Сам он так никогда и не отважился шагнуть за барьер – дед запретил. «Нельзя туда человеку, – говорил старый шаман, пока еще был жив, – духи запрещают». Духам дед верил безоговорочно, а сержант Бахаев безоговорочно верил деду. Но проводить путника в опасное путешествие внук сагаан боо считал своим долгом.

Человеческая фигурка на фоне белой стены выглядела неестественно четко. По древнему бурятскому обычаю сержант завязал на железном шесте лоскут ткани – на удачу, – прикрыл глаза и за неимением шаманского бубна принялся негромко выстукивать ритм прямо на металлическом корпусе прожектора. Он негромко запел, прося духов проявить благосклонность к путнику.

Бахаев чувствовал, как сознание медленно опускается в нижний мир, перед глазами замелькали тени, пока еще призрачные, неясные, и вдруг все резко закончилось.

– Сержант, твою мать! Где тебя черти носят?! – орал снизу майор. – Звонил полковник Костюченко. Немедленно свяжись с Гончаром! Нельзя ему в Зону! Человек из Интерпола – не тот, за кого себя выдает.

С трудом очнувшись от шаманского морока, Бахаев набрал номер, но Олег уже выключил смартфон.

Кубарем скатившись с вышки, Бахаев завопил рядовому:

– Открыть ворота!

Хотя сержант толком не понял, о чем говорил майор, но словами «нельзя в Зону» в «Восточном Периметре» не бросались. Ясно было одно – Олегу грозила опасность. Не дожидаясь, пока створка ворот отъедет в сторону, сержант, обдирая пуговицы, протиснулся в открывшийся проем. Краем глаза успел заметить, как белый туман смыкается за спиной Олега. Задышавшись, Бахаев рванул по дороге до самой белой стены и резко затормозил. Сделать шаг и оказаться по ту сторону барьера не получалось – какая-то сила не пускала. Аномалия? Духи предков? Или он сам, трус, слизняк, тряпка, не смог перебороть страх?

Тоненько заскулив, Бахаев опустил на снег: еще он понял, что не закончил свою песню, а значит, на этот раз духи не смогут защитить Олега.

3

Когда до белой завесы остался один шаг, Гончар, как всегда, на секунду застыл на месте. Он не чувствовал страха, пауза была своеобразным приветствием, данью уважения Зоне, возможностью для Аномалии вспомнить его.

Шаг вперед.

Вдох, задержать дыхание.

Почувствовать, как нечто прикоснулось к сознанию.

На мгновение увидеть мириады звезд.

Ощутить холод бездны.

Испытать ужас и восторг.

Выдохнуть.

И вновь перед глазами раздолбанная бетонка с подтаявшим грязноватым снегом, давным-давно проложенная военными. Необычным выглядело лишь небо – сплошная ровная белизна, словно художник, создавая пейзаж, оставил незакрашенной часть белой бумаги. Сколько раз за восемнадцать лет он бывал в Зоне? Давно сбился со счета. Но каждый раз это белое ничто над головой изумляло и тревожило, как в первый раз.

– Ну, здравствуй, давно не виделись, – задрал голову к небу, произнес Гончар.

Тут же в ответ чирикнула какая-то пичужка. Ее поддержали несколько птичьих голосов. Вдалеке глухо треснул подтаявший снег, под тяжестью белки качнулась еловая ветка.

– Вот и поздоровались.

Шагать было легко – здесь, на открытом месте, плотный наст держал отлично. Ловушек в этой части Зоны опасаться не стоило – серьезные аномалии почему-то поблизости от КПП никогда не появлялись. Олег подумал, что если так пойдет и дальше, то к реке он выйдет

вовремя. И как сглазил! Уже вскоре обледенелая корка истончилась и стала легко проламываться под берцами, ноги вязли в снежной каше.

«До вертолета как-нибудь добреду, – решил Гончар, – а дальше заберу вверх. Хочется верить, на склонах снег уже растаял».

Нога опять провалилась в рыхлый, мокроватый снег, проломив наледь. «Может, не нужно было разделяться с Косорылым, а двигаться всем вместе через коллектор? Послать к дьяволу все бумажки... Там место повыше, наверняка снег сошел».

– Как думаешь? – спросил Гончар вслух, но Зона молчала, ни чириканья, ни качнувшейся ветки в ответ.

Летом, когда глаз цеплялся за буйство зелени, аномальная территория почти не отличалась от обычной забайкальской тайги, но сейчас разница бросалась в глаза: здесь не было тени. Вообще. Никакой. Утром на КПП, когда солнце только-только поднялось над горизонтом, снег прочертили длинные тени деревьев, а здесь – ничего подобного. Если летом казалось, что художник забыл закрасить небо, то зимой становилось видно: он схалтурил дважды – еще и тени забыл добавить. Но в целом природа Забайкальской Зоны осталась прежней – в отличие от Фолклендов, где животные, растения, горные породы трансформировались, превратились в нечто сказочно-демоническое. Мутировало все, кроме пингвинов. Зато в обеих Зонах почему-то совершенно не пострадала вода – ни химический состав, ни структура. И аномалии в воде никогда не встречались. Возможно, потому и пингвины не изменились – небось, успели сигануть в воду, когда начался катаклизм.

За размышлениями Гончар не заметил, как дошагал до упавшего вертолета. Сейчас корпус «вертушки» с остатками белой краски и надписью «МЧС России» отлично просматривался за деревьями.

Вертолет здесь лежал давно, с самого появления Зоны, когда ее еще пытались исследовать с воздуха. Это потом стало ясно, что двигатели внутреннего сгорания здесь не работают, как и источники тока. Но пока выяснили, что это не случайность, не какие-то понятные и привычные отказы, техники побили изрядно.

Была у этого вертолета одна странность – время от времени его лопасти начинали сами собой вращаться. Никакой закономерности в движении не просматривалось, но Гончар каждый раз обращал внимание на поведение машины, будто ждал какого-то знака. В августе, во время последнего визита Олега в Зону, лопасти безжизненно свешивались вниз, а вот сейчас ожили – бешено метались, визгливо скрипя и ломая ветви подросших березок. Олег даже остановился, глядя на неожиданный перформанс. За все восемнадцать лет, что существует Зона, он не помнил, чтобы они двигались с таким ожесточением.

Вскоре Гончар свернул с дороги в лес, забирая выше по склону. Идти действительно стало легче – снег лежал плотнее, кое-где стали попадаться проплешины голой земли. Привал он решил устроить у Трех скал – трех отдельно стоящих останцов высотой метров в десять. Внимательный глаз мог разглядеть на скалах петроглифы – рисунки, выполненные охристой краской. Местные легенды уверяли, что рисунки эти предсказывают будущее – меняются в зависимости от того, кто и когда на них смотрит. Олег, сколько себя помнил, всегда видел одно и то же – одинокого путника. Или ничего. Но люди с буйной фантазией рассказывали об инопланетянах, порталах в иное измерение, монстрах и прочие сказки.

Гончар снял рюкзак и приложил ладонь к гранитному валуну. Теплый. По привычке мазнул ближайший останец беглым взглядом и застыл на месте. На скале разыгралось целое сражение: нарисованный путник отбивался от нарисованных тварей.

Олег подошел ко второму останцу. Здесь был изображен крадущийся зверь. Медведь? Росомаха?

Третья скала порадовала рисунком, на котором было два человека. Один протягивал другому какой-то предмет.

– Эй, – негромко произнес Олег, оглядываясь вокруг. – И что это значит? Сказать-то что хотела?

Зона опять не ответила. А ведь могла.

Разводить костер он не стал, хотя поблизости лежали колья и бревна от сооруженной кем-то норы, не собиравшись оставаться надолго. Пристроившись на валун, пожевал кусок вяленого мяса, закусил шоколадным батончиком. Но от горячего кофе отказаться не смог – правда, пришлось обойтись саморазогревающейся химией. «Ничего, – успокоил он себя, – встречу вечером с Косорылым, попьем нормального чаю».

Но отведать кофе не удалось: оставляя на нетронutom снегу странный, ни на что не похожий след, к Олегу подбиралась... Да, точно такая же тварь напала на них с Мартиной на Фолклендах. Небольшая, размером с комнатную собачку, но вся как будто скрученная из мотков черной проволоки. Вместо морды – вмятина, острые черные клыки, больше похожие на кристаллы. Обычными были только собачьи глаза, но и те горели злобой и ненавистью – слепой, животной.

Откуда она здесь? Провалилась в телепорт?

Стараясь не делать резких движений, Гончар привстал. Скосил глаза в сторону, где лежал арбалет. «Не успеть, – понял он, – слишком далеко». Руку с жестяной банкой отвел в сторону, другой медленно потянул из ножен финку.

Зверюга продвинулась вперед еще на несколько шагов.

«Шла бы ты обратно в свой мир, – мысленно попросил ее Гончар. – Тебе же здесь наверняка неуютно».

Тварь остановилась, потом вдруг повернула назад.

«Ну вот и молодец», – похвалил ее Гончар.

Уже можно выдохнуть?

Черт!

Поторопился он с «молодцом»: шавка передумала уходить. Подобравшись, она почти свернулась в черный колючий шар, а потом резко распрямилась и сжатой пружиной выстрелила вперед.

Гончар перехватил финку, чтобы грибок рукоятки уперся в основание ладони, и с силой всадил нож в сплетение черных нитей, примерно в то место, где у обычной собаки находится горло. С противным металлическим скрежетом финка вошла в тело псине, глубоко, по самую рукоять. Брызнула темная вонючая жидкость, раздался визг, переходящий в хрип, и уже неживое тело по инерции перелетело через Олега, унося с собой финку.

Олег выпрямился и только сейчас заметил, что, пока он справлялся с шавкой, к нему подобралась еще две. Одна помельче, глаза красные, злобные, колючая шерсть на загривке топорщится проволокой. Вторая крупнее и, похоже, гораздо опаснее – взгляд внимательный, оценивающий.

«Вот, значит, как: явились всей бандой, разведчика вперед отправили, гады...» – разозлился Олег.

Он сорвал куртку, намотал на левую руку и выхватил из ножен фултанг. «Если кинутся разом – хана мне, – мелькнула мысль. – Надо их опередить. Прямо сейчас, пока не прыгнули. Вопрос: с какой начать?»

Но выбирать не пришлось. Брошенная на снег банка с саморазогревающимся кофе вдруг зашипела, из нее повалил пар. Псина поменьше отвлеклась на новую опасность, повернулась боком. Упустить такой случай Олег никак не мог. С короткого, в два шага, разбега он от души врезал собаке ногой по хребту, будто пробивал пенальти. Раздался хруст, и тварь отлетела на несколько метров, смятая, изломанная, все еще похожая на моток проволоки, но уже неживая.

Олег выдохнул и огляделся. Вторая псина готовилась к атаке. Она двигалась осторожно, внимательно разглядывая человека, – прокачивала ситуацию, определяя «рабочую» руку.

Похоже, в прошлом собака была бойцовой породы, да еще и обучена драться с человеком. А хуже всего, что на пригорке ворочалось что-то непонятное, но тоже явно с Фолклендов. Этакий крокодил – черные глянцевые бока, шипастый гребень по хребту, из оскаленной тупой морды торчат загнутые клыки.

Крокодил издал короткий противный скрип, и собака подобралась для прыжка. «Значит, ты тут командуешь, – хмыкнул Гончар, – причем хреново, две трети личного состава уже потерял. Правда, остался самый обученный боец, то бишь самый опасный. Впрочем... Раз уж собака научена драться с людьми, значит, и на огнестрел реакцию ставили». Гончар развернулся к псу боком, выставил вперед руку с намотанной курткой, представил, что держит «макаров» и уже поймал противника на мушку, сейчас нажмет спусковой крючок.

И псина повелась! Из глаз исчезло сомнение, уродливое, курчавившееся черной проволокой тело вытянулось в прыжке, пытаясь достать левую руку «стрелка». Олег вбил кулак в глотку собаке, поглубже, стараясь резким поворотом сломать псу шею. Не получилось. Подмял тварь под себя, навалился коленями и вогнал фултанг между ребрами, прямо в сердце. Еще раз. И еще.

Теперь крокодил.

Олег повернулся и обомлел: по снегу, бочком и как бы сутулясь, к нему неровными скачками приближалась росомаха.

Он зло сплюнул сквозь зубы. Теперь точно конец.

Но та, проскочив мимо, повисла на крокодиле. Вцепилась зубами в загривок и попыталась драть когтями, но получалось плохо – когти скользили по глянцевым бокам, не причиняя твари вреда.

Неужели Зона с подмогой подсобила?

Но даже если так, расслабляться не стоило.

Крокодил выглядел неуязвимым, его будто со всех сторон окружала броня. Сбросив росомаху, он полоснул по коричневому меху когтями. Она отпрыгнула, на снегу показались алые капли. Подобралась и вновь кинулась на противника.

«Что делать?» – судорожно соображал Гончар. – Арбалет далеко, да и не такой уж я легендарный охотник, чтобы пробить в глаз зверюге». Зато срубленный и кем-то обтесанный ствол молодой березки словно сам просился в руки.

– Ну держись, мерзкое отродье!

Олег загнал фултанг в ножны, перехватил так кстати подвернувшийся дрын и поспешил к росомахе. С размаха, как копьем, ударил стволом по черепу фолклендской гадине, вложившись в удар всем телом. Крокодил отступил. Росомаха слетела с загривка и, прихрамывая, поспешила прочь, оставляя на снегу пятна крови. Не давая твари очухаться, Олег примерился и с силой воткнул дрын в ее глазницу. Навалился, вгоняя острие глубже. В голове крокодила что-то хрустнуло, и он забился в конвульсиях. Через минуту все было кончено.

Олег опустил гудящие руки, чувствуя, как уходит из тела противная дрожь, повернулся, чтобы забрать вещи, и оторопел.

Припадая на одну ногу, к останцам ковылял мутант. Двигался он рывками – словно заводная кукла, у которой вот-вот закончится завод. Шаг, остановка. Еще шаг, пошатнулся, почти завалившись на снег. Поднялся. Грязный камуфляж свисал лохмотьями, одной руки до локтя не хватало, в обрывках рукава белела кость. Вторую руку, почти целую, но без пальцев, мутант прижимал к груди. Сизая, одутловатая, в багровых пятнах кожа на лице выглядела так, будто готова вот-вот лопнуть. Нос давно отвалился, на его месте зияла дыра, в глазницах скопился мутноватый гной.

– Суки! Сволочи! Да что ж сегодня за день такой! – не выдержав, заорал Гончар и бросился на мутанта.

Первый же удар дрынном свалил мертвяка на снег. Второй – пришелся по голове. Кожа мутанта лопнула, обдав Олега зловонной волной. Задыхаясь от смрада, шалея от выброса адреналина в кровь, Гончар почти обезумел. Он бил и бил мутанта, пока от тела не осталась бесформенная груда тряпья в мерзкой луже.

Отрезвление наступило внезапно.

Белый снег, белое небо, черные, неестественно четкие штрихи деревьев и абсолютное спокойствие, полная, глубокая тишина и покой, как будто не здесь он только что чуть не расстался с жизнью. У подножия останцов одиноко стоял его рюкзак, на снегу исходила паром банка с кофе, поодаль темнели черные мотки проволоки, сзади бугрилось глянцевое шипастое тело, а прямо под ногами исходило зловонием месиво, когда-то бывшее человеком.

Олег еще раз осмотрел крокодила – нет, ни на что не похож, о таких тварях даже баек не рассказывали. Глянул на алый след, тянущийся за росомарой, – крови немного, надо думать, выживет. Пригляделся к смердящей куче, оставшейся от зомби, – совсем ведь доходяга, как только доковылял. И, главное, зачем? Раньше они никогда так далеко не забредали. И только сейчас заметил, что мутант прижимал к груди какой-то предмет.

Странная вещица. Артефакт?

Не похоже.

Олег нагнулся, стараясь рассмотреть то, что мутант принес с собой. Поворошил веткой тряпья, но преодолеть отвращение не смог. Да и что там может быть полезного...

Он протер снегом руки, заляпанные черной жижей и кровью...

Стоп. Откуда кровь?

На левой руке обнаружилась рана, нехорошая, с рваными краями. Не заметил на адреналине, когда получил – видимо, один из псов сумел-таки рвануть руку когтями. Олег подтянул рюкзак, здоровой рукой нашарил аптечку, быстро опрыскал рану антисептиком, наклеил пластырь. Потом подобрал финку, обтер снегом. Получается, именно она спасла ему жизнь. Как бы все сложилось, не возьми он ее с собой? Фултанг тяжелый, неповоротливый, да и не достанешь его быстро – ножны с кнопкой. «Лезвие должно чувствовать только шелк и тело врага», – вспомнилась вычитанная где-то фраза.

– Вот вернусь и заведу тебе шелковую ветошку, персональную, – ласково пробормотал Гончар, вытирая финку запасным носком.

Затем достал из ножен фултанг, почистил и вдруг осознал, что в этот раз ему понадобились оба ножа, с одним он бы не выжил. Да уж, необычный выдался рейд. Не было никогда такого, чтобы фолклендские твари объявлялись в Забайкалье. Конечно, можно предположить, что они случайно провалились в телепорт, но ведь и такого не происходило. В Забайкалье звери существовали с людьми, что называется, в разных измерениях – не нападали, не помогали и вообще не вмешивались в непонятную им сталкерскую суету. Разве что Пыжик однажды рассказывал, как дрался с рысью, но Пыжику верить – себя не уважать. Да и царапины на Пыжиковой физиономии больше походили на оставленные женскими ногтями. Еще Филипп, сын Мартины, рассказывал про волка, но что взять с мальчишки? Первый раз в Зоне, без подготовки, мало ли что привидится. И еще зомби. Их в Зоне, конечно, немало, но так далеко они никогда не забредали. По отдельности вроде бы все объяснимо. Ну, провалились в телепорт зверюги – почему нет. Ну, вызверилась росомара на неведомого крокодила, который вперся на ее территорию, – бывает. Ну, зомби – шел, шел и пришел, что не так. Но все вместе... И лопасти вертолета крутились как заведенные, будь они неладны. Колбасит Зону, сильно колбасит...

Гончар прислушался, но ощутил в этой белой, пронзительной тишине не умиротворенность, а нехорошую, внимательную настороженность. Вздохнул и начал собирать арбалет.

4

Если бы Косорылый сам не вышел навстречу, Гончар ни за что бы не нашел разбитый сталкером лагерь. Место Толик выбрал удачное – незаметное, откуда ни посмотри. Из елового лапника соорудил шалашик, теряющийся за густым ельником, костер не зажигал. Присутствие человека выдавал разве что раздающийся из шалашика храп.

Олег кивнул на торчащие из укрытия берцы.

– Как клиент?

Толик махнул рукой.

– Дрыхнет без задних ног.

Гончар с сомнением взглянул на храпящего Бучека.

– С ним точно все в порядке?

– В порядке. Я ему в чай чутка сонника плеснул.

Сонником называли настоящую на артефакте воду – десять капель почти мгновенно вырубали даже самого крепкого мужика часов на восемь. Самое забавное, что настоящая на том же артефакте водка оказывала противоположный эффект – бодрила и придавала силы. Но только на Большой земле.

– Зачем?

– Дык... Чтоб поспал, устал он очень.

Гончар подозрительно уставился на Косорылого. Тот покачал лохматой головой и в сердцах буркнул:

– Да ну его, надоел он мне.

– Так чего ж согласился? Мог бы и поартачиться.

– А толку? – вскинулся Толик. – Все равно бы идти в Зону пришлось, он бы не отстал. Это ты человека не чувствуешь, а я научился в клиентах разбираться. Через пять минут разговора вижу, что за птица. И тех, от кого ждать неприятностей, и тех, от кого отвертеться не получится, как бы ни хотелось. Вот этот твой долговязый из таких.

– От которых неприятности или от которых не отвертеться?

– Все вместе, – отрезал Толик. – И в самом худшем раскладе. Хочешь эксперимент?

– Ну, давай.

Сталкер достал из кармана черно-белый кубик. Потряс в руках, спросил громко, специально для Олега: «Ждать ли неприятностей от долговязого?». Дунул в ладони и бросил кубик на землю, туда, где сошел снег. Прокатившись по прошлогодней хвое, кубик застыл черной стороной кверху.

– Вот так и в тот раз было, когда я их в Зону вел.

– Их – это кого?

Косорылый смущенно скривился.

– Дык... Ну... Того пингвина, что убили.

– Почему «их»?

– Дык... Оговорился.

Только Олег был уверен: не оговорился Косорылый. Но раз рассказывать не хочет, можно и подождать. А кубик – выбросить из головы.

– Не боишься, что клиент от холода околеет?

Толик вяло пожал плечами.

Гончар поднял лежавший рядом с рюкзаком Косорылого топорик и направился к растущим поодаль соснам. Выбрал подходящее дерево, замахнулся. После нескольких ударов из раны на руке опять пошла кровь.

– Весь лес своим бестолковым стуком на уши поставишь, – буркнул, подходя, Косорылый. – Уже.

– Что уже?

– Пойдем.

Оказалось, пока ждали Олега, Косорылый с Бучеком успели не только срубить сосну, но и соорудить из нее три бревна метра два с половиной длиной.

Проводник обтесал с одного бока кору и уложил два бревна рядом лыской вверх. «Не мешайся», – рывкнул он пытавшемуся помочь Олегу. Перпендикулярно стволам разложил несколько палочек, затем сверху положил третье бревно срезанной корой вниз – тут уж без помощи Олега не обошлось. Когда нодья была готова, подсунил между бревнами растопку и запалил костер в нескольких местах.

Гончар за это время успел обработать и заново залепить пластырем руку. Несмотря на антисептик, рана ему не нравилась – хоть времени прошло совсем немного, края успели воспалиться. На всякий случай, порывшись в аптечке, вколол себе ампулу мощного антитоксина – кто знает, что завязло в когтях фолклендских собачек. Потом проверил Бучека. Интерполовец уже не храпел, лежал, свернувшись от холода эмбрионом. Олег даже пульс на всякий случай пощупал – вроде порядок.

Стемнело. От костра вкусно потянуло тушенкой, живот тут же отозвался урчанием, и Олег вспомнил, что сегодня толком и не поел.

– Надо бы клиента разбудить, – сказал он Косорылому.

– Клиента будить не надо, – категорично заявил Толик. – Он днем две банки тушенки за раз умял. И вообще...

Он странно посмотрел на Олега и добавил:

– Может, ну его?.. Вообще ну...

– Как это? – не понял Гончар.

– Ну... Дык... – Косорылый мотнул головой в сторону реки. – Поскользнулся, упал...

– Очнулся, гипс, – закончил за него Олег. – Ты мне что предлагаешь?

– Да ничего я не предлагаю... Только странный он, – насупился Толик. – То молчит, словно язык проглотил, а то вдруг как с цепи сорвется и давай вопросы задавать, да все с подковырками, чисто допрос. И смотрит как прокурор. А утром, перед выходом, молитвы читал и крестился.

– Профдеформация, наверное, – пожал плечами Гончар. – Он же в основном с преступниками дело имеет. А насчет молитв – в Европе католиков предостаточно. А если не католиков, так протестантов. И вообще, на себя посмотри. За последние полгода сам-то в кого превратился?

– Я – другое дело, – парировал проводник. – Я с Зоной дело имею. Тут что ни пень, то чудо. И то, что Зона меня в живых оставила, – тоже чудо. И то, что Катьку твою спасла, когда я не уберег, – чудо. Как в Зону не верить? А он во что верит? Где он в своей Италии видел такое, чтобы защемило вот тут, – Косорылый сгреб в кулак ворот своей хламиды, – чтобы сначала жить не хотеть, а потом р-раз – и наоборот?

Выпустив ворот, он обвел рукой лес.

– Тут все живое. Даже мутанты эти, которые мертвые, и те живые. А там, – он махнул рукой за спину, где, по его мнению, находился то ли Булганск, то ли Европа, – там давно все мертво.

Косорылый замолчал, потом сказал совсем другим, будничным тоном:

– Давай чай пить.

Чай получился отличный – с брусничным листом и таежной малиной. Если брусничник еще кое-где проглядывал из-под снега, то как Толик зимой нашел ягоды – осталось загадкой. Может, действительно у него с Зоной особые отношения?

– Спать по очереди будем? – спросил Гончар.

– Ага. Ты ложись, я подежурю... – Сталкер вдруг подобрался. То ли слух у него оказался тоньше, то ли просто был лучше настроен на Зону.

– Что? – Олег встревоженно подался вперед.

Толик сделал знак рукой и прислушался. Осторожно сунул руку за пазуху и достал рогатку – всегда ходил с ней в Зону. Гончар тоже потянулся за арбалетом, но кроме темнеющих на фоне серого вечернего неба елей ничего не заметил. Увидел, лишь когда она вышла на открытое пространство. Голубой лабораторный халат свисал грязной рваниной, давно не мытые волосы образовали на голове колтун, но в неярком, теплом свете костра лицо казалось почти живым, а в фигуре еще сохранилось что-то женское. На одной ноге не хватало туфли, и, хоть мутанты не были чувствительны к холоду – они вообще ничего не чувствуют, – почему-то ее становилось жаль.

Приближаться гостья не стала, остановилась поодаль напротив Олега. Нижняя челюсть отвисла, открывая рот, оттуда вырвались хриплые булькающие звуки.

– М-м-м...

Она дернула головой и попробовала еще раз.

– Тебе не кажется, что она хочет нам что-то сказать? – едва разжимая губы, спросил Гончар.

– Да ну, мутанты не умеют говорить, – так же тихо пробормотал Косорылый.

– Те-бе, – с трудом, по слогам проблеяла она, вытягивая вперед руки с зажатым в них предметом.

Постояла, шатаясь, потом тяжело наклонилась и бережно положила на снег то, что держала в руках. Распрямилась, насколько могла, вытянула руку, показывая на Олега, потом рука безвольно упала, голова зомби затряслась, и гостья скрылась за деревом.

– Что-то они зачастили, – откладывая арбалет, произнес Гончар. – Раньше никогда так далеко от центра не заходили.

Толик с интересом посмотрел на Олега, ожидая продолжения.

– Днем такой же доходяга к останцам приходил. Тоже подарочек принес, только я брать не стал, побрезговал. Посмотрим?

– Смотри. Она же тебе гостинец несла, – произнес Толик, но к оставленному на снегу предмету подошел вместе с Олегом.

Гончар обтер о снег оставленный подарок. На артефакт вроде не похоже, но ведь и не природа постаралась. А ведь... В голову вдруг пришла шальная мысль: если бы он увидел этот предмет не в руках мертвяка, а в витрине музея современного искусства, то решил бы, что скульптор-авангардист изобразил сидящую женщину. Этакая смесь чего-то восточного, буддистского, современного авангардизма и примитивного искусства.

– Тебе такое раньше встречалось? – спросил Олег.

Косорылый протянул руку к предмету, но быстро отдернул.

– Нет, – буркнул он.

Но по лицу было видно: соврал.

5

– Что б еще такое рассказать? – Косорылый задумчиво поскреб подбородок. – Есть в Зоне человек по кличке Черный Шаман. Хотя насчет человека – это я поторопился. Может, когда-то он и принадлежал к людскому роду-племени, да только сейчас у него под капюшоном ничего нет – пустое место, лишь глаза зыркают. И плащ шаманский развеивается так, будто под ним пусто. Встретишь его – сразу дуй из Зоны, не жди, когда беда случится. На Большой земле говорят: если ворон в окно постучит, значит, жди неприятностей, а в Зоне жди неприятность,

если увидишь Шамана. И лучше сразу назад повернуть, потому что удачи не будет. Думаешь, сталкеры понапрасну страхи наводят? Байки попусту травят? Ан нет. Гвоздь вот тоже не верил, когда утром отошел за дерево отлить и Шамана заприметил. А вечером ногу сломал. Его Лохматый на себе из Зоны пер. Думаешь, за Гвоздя переживал? Не тот Лохматый человек, чтобы за кого-то кроме себя переживать. Просто если бы он Гвоздя без помощи оставил, то путь в Зону ему был бы навсегда заказан. Навернулся бы сразу, как пришел: в «расколотку» влетел или на «сковородке» изжарился. И не как Гвоздь, а с концами. Ну а если Шаман вдруг с тобой заговорит, то тут совсем туши свет. Хотя бывало, что он помогал нашему брату. Карасю вон «звезду» подарил, когда тот с ним столкнулся. Хотя Карась и приврать мог.

– Очень интересно, – вежливо похвалил Косорылого Бучек. – Это уже центр Зоны или?..

– Или, – буркнул Гончар.

Его лихорадило, за ночь рана воспалилась, рука выглядела отечной. Утренний укол жаропонижающего облегчения почти не принес, хотя препарат был непростым. На редкость ядовитыми оказались коготки у фолклендской псины.

– Далеко еще?

– Не очень.

– Что у вас с рукой?

– Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс, – машинально ответил Олег.

– Только у него там не закрытый, а открытый перелом, – хихикнул Косорылый.

Бучек удивленно посмотрел на сталкера – «Бриллиантовую руку» он тоже не видел.

– Олег, почему вы всю дорогу молчите?

Интерполовец сегодня выглядел на редкость общительным. Он уже вытянул из Толика пару бак, впрочем, лишний раз упрашивать Косорылого не пришлось, и теперь ждал откровений от Гончара.

– Полгода назад ходил со мной в Зону профессор из Кембриджа, – нехотя начал рассказывать Олег, – известная личность, почти светило. Говорил ему: будьте внимательнее, Зона не прощает небрежности. А он пропустил все предостережения мимо ушей и влип в «гриву». Это такая аномалия, которая вытаскивает наружу всех внутренних демонов человека, переводит в сознательный слой всю черноту из подсознания, все, что человек хотел позабыть. Сутки после «гривы» не прожил – с ума сошел и руки на себя наложил, да не слишком удачно. Умирал долго. А потом выяснилось – убийцей наш профессор оказался, друга жизни лишил.

– Любопытно. И как же выглядит эта ваша «грива»?

– А вот она, в трех шагах на четыре часа.

Бучек растерянно застыл на месте. Даже дышать перестал. Его лошадиная физиономия резко вытянулась.

– Где? – выдохнул он.

Метрах в десяти справа действительно в воздухе без какой-либо поддержки висели золотистые нити.

Словак опасливо покосился на аномалию.

– Если бы я ее коснулся, то сошел бы с ума? – осторожно спросил он.

– Стопроцентно только в том случае, если у вас за душой имеется личное кладбище или порядком другого негатива, но убийцы из Зоны и без «гривы» живыми не выходят. Так что на вашем месте я бы хорошо подумал, прежде чем в Зону отправляться. Или вы в своем Интерполе только бумажки перебираете?

Бучек напрягся, но промолчал.

«Нет, не обманешь, – подумал Гончар, – хищник хищника завсегда учует. Есть и у тебя грех на душе, точно есть».

Тема убийств все-таки задела Бучека за живое. Первый вопрос не заставил себя ждать.

– А если, скажем, кто-то убил не просто так, а по долгу службы? Или в качестве самозащиты? Как в этих случаях?

Вопросы были риторическими – ответы на них знала только Зона, а она не делилась с людьми. Если еще можно было догадаться, почему Олега, убившего профессора, Зона отпустила, то совершенно непонятно, почему Косорылый разгуливал по Зоне живее всех живых. Олега, можно сказать, Зона сама к профессору направила, чтобы избавить от страданий, а у Толика два трупа в личном деле. И хорошо, если только два.

– Или во имя высокой цели? – не успокаивался Бучек. – Идеалов, веры?

– Осторожнее, в реку не свались, философ, – проворчал проводник. Он был прав – начался довольно крутой уклон вниз.

– Ага, во имя веры. Крестовые походы были во имя веры, и что? Сколько людей тогда положили? Ради чего? Или вера – это так, для самооправдания? – зло пробормотал Гончар. Рука начала болеть. Боль была нехорошей – резкой, стреляющей в пальцы.

Бучек не ответил. Не расслышал или не захотел отвечать.

– Привал, – заявил Толик, опуская рюкзак на землю.

Почувствовал, что Олегу необходимо вколоть обезбол? Или просто совпало так?

Гончар отошел за дерево – не хотел лишних вопросов – и достал из рюкзака аптечку.

Бучек потоптался на месте, присел на рюкзак и уставился на Косорылого. Он явно собирался задать вопрос.

– А что у вас говорят про лагерь военнопленных в центре Зоны?

– Дык... Ничего не говорят, – откликнулся Толик. – Не о чем говорить, ничего там, кроме груды кирпича, не осталось.

– А правда, что там эксперименты над людьми проводили?

– Даже если и проводили, нам-то что за дело? Все давно быльем поросло. И вообще – пора дальше двигаться.

Спускались медленно. То подтаявший снег скользил под ногами, то, наоборот, приходилось обходить скальные выступы. А ведь еще стоило опасаться ловушек. «Кисель» тут, положим, встретиться не мог, эта ядовитая субстанция предпочитала низины, зато «сковородки» как раз любили места повыше. И даже пару раз попались на пути. Первый раз ловушку заметил Косорылый – вовремя почуял запах жженой резины, вторую аномалию увидел Гончар. Успел догнать и схватить за руку вырвавшегося вперед словака.

Вскоре внизу показалась плотина, в этом месте река подходила ближе всего к центру Зоны. Даже особо не приглядываясь, можно было увидеть, как на другом берегу реки над рахитичным лесом возвышались три трубы бывшего лагеря военнопленных.

– Мне дед рассказывал, эту плотину пленные японцы строили. – В лице Бучека Косорылый нашел преданного слушателя. – Японцев когда привезли целый эшелон, они первое время в палатках жили. От холода очень страдали и от пищи нашей. Их ведь чем кормили? Ржаным хлебом да репой с капустой, по праздникам баранину давали, только они все равно ее не ели, не могли – жирная и вонючая. Потом уже кирпичные бараки построили и эту вот электростанцию, водопровод от реки провели. Электростанция долго проработала, почти до девяностых.

– Странное место для лагеря, – покрутил головой Бучек. – Глушь, тайга. Зачем было затевать такое основательное строительство, их же всех скоро отпустили домой?

– Не то чтобы скоро и не так чтобы всех, – уклончиво пробормотал Толик и, встрепенувшись, показал пальцем на чернеющую вдалеке избу: – А там раньше жили староверы.

Плотина выглядела вполне прочной, над водой выступала бетонная «рубашка», укрепляющая берег. На противоположной стороне реки у самой воды сохранилось небольшое здание из того же темно-красного кирпича, что и лагерные казармы. Деревянный настил узкого, на одного человека, моста над дамбой оказался разрушен, остались только ржавые железные ребра, но по ним вполне можно было перебраться на противоположный берег.

– Держитесь за перила и смотрите под ноги, – сказал Бучеку Олег. Тот растерянно кивнул. Первым шел Косорылый. Крепко ухватившись руками за перила, он бодро перепрыгивал с одной железной шпалы на другую. Следом за ним двигался интерполовец. Опасливо ставил ногу, словно пробуя металл на прочность, осторожно переносил на нее вес и медленно подтягивал другую. Шедший сзади Гончар видел, как каждый раз белели костяшки пальцев словака, когда он сжимал поручень.

До половины моста добрались до происшествий, и тут Косорылый резко остановился.

– Что там? – поинтересовался Гончар. Спина Бучека заслоняла обзор.

– «Медуза», – отозвался Толик.

– Большая?

– Не, мелкая, но сидит, гадюка, на самой середине, не пройти. Может, повернем обратно, а? – Вопрос был явно адресован Бучеку.

«Нет» прозвучало слишком категорично. И даже последовавший за ним вопрос: «А если другой дорогой?» – не смог смягчить резкость.

– Нет другой дороги, – так же категорично отрезал Толик. – Или вперед, или возвращаемся.

– А если по льду?

– Не выдержит, тепло уже.

– Тогда нужно эту вашу «медузу» как-то убедить, чтобы дорогу освободила.

Проводник хмыкнул, но Олегу показалось, что Бучек говорил вполне серьезно.

– Ну что, попробуем? – положил конец дискуссии Гончар. – Где наша не пропадала.

Косорылый перелез через ограждение, теперь его туловище оказалось с внешней стороны перил, ноги стояли на самом краю железного ребра.

– Тихо, милая, спи спокойно, я тебя не потревожу, – почти ласково пробормотал он, разглядывая «медузу». Осторожно передвинул сначала одну руку, затем так же аккуратно подтащил к ней вторую. Переставил ноги на следующее ребро. Затем повторил свой маневр еще дважды и перелез обратно, оказавшись впереди аномалии.

– Электрическая, зараза. Когда мимо нее проходишь, руки чуток иголками колет. Все-таки близко к ней стоишь. Давай, Европа, не бойсь.

Бучек перелез через поручень. Теперь, когда его спина не заслоняла проход, Гончар увидел «медузу» – круглое радужное вздутие в диаметре сантиметров десять. Для «медузы» это ничто – чтобы убить или покалечить, силенок не хватит, такая мелочь только и способна, что иголками колотья.

Первый шаг интерполовцу удался. Он двигался медленно, не отрывая взгляд от пульсирующей радужной кляксы. Передвинул левую руку, ухватился за поручень и начал подтягивать правую, и тут «медуза» выстрелила. Бучек машинально оторвал от перил руку и с воплем сорвался вниз.

Олег стянул с плеч рюкзак, быстро перелез через перила на маковку бетонной опоры.

Черт! Внизу чернела водой пробитая падением полынья.

Тормозя подошвами, Гончар съехал вниз по наклонной опоре.

– Осторожнее! Лед может не выдержать! – кричал сверху Косорылый. Быстро, как только мог, он направлялся к берегу.

«Не говори под руку», – мысленно выругался Гончар и пополз к полынье.

Бучек вынырнул, хватая воздух открытым ртом, попытался ухватиться за лед, но тот обломился под пальцами.

– Давай руку! – крикнул Олег, но словак уже погрузился в воду – тяжелый рюкзак тянул его на дно.

Распластавшись на льду, Гончар придвинулся к полынье еще на несколько сантиметров. Лед предательски треснул, но пока держал. Как только над водой показалась голова словака, Олег вцепился руками в ворот его куртки и потянул на себя.

– Помоги! – выдохнул Бучек.

– А я что, по-твоему, делаю, – просипел Гончар.

Выбросив руку, интерполовец судорожно вцепился в локоть Олега. Вытаращенные глаза горели безумием.

С берега слышался стук топора. Правильно, длинная жердь лишней не будет.

Почувствовав, что его держат, Бучек засуетился, засучил ногами и с силой налег грудью на край полыньи. Олег предостерегающе каркнул, но было поздно – лед затрещал и раскололся под тяжестью словака. Теперь оба оказались в воде.

Тело будто обожгло огнем – первая реакция организма на холод.

Цепляющийся за плечи Бучек тянул на дно, но Олегу удалось всплыть. Сердце бешено колотилось в груди, организм, казалось, вопил: «Что же ты, гад, со мной делаешь!» – но пока не подводил.

– Держи! – надсадно вопил Косорылый, протягивая к полынье молодую березку.

– Хватайся! – крикнул Бучеку Гончар, но паника уже полностью завладела словаком, от холода и страха он полностью обезумел. Только судорожно дышал ртом и цеплялся за Олега.

Гончар подтащил его к кромке льда, схватился за палку, подтаскивая ее к словаку.

– Держись!

Наконец-то в глазах интерполовца промелькнуло понимание. Скрюченными от холода пальцами он неловко вцепился в березу сначала одной рукой, потом ухватился второй. Косорылый с силой потянул. Помогая ему, Бучек по-лягушачьи дернул ногами.

Удар пришелся Олегу в грудь, отпихнув его от кромки льда. Погрузившись с головой в воду, Гончар почувствовал, как течением его оттаскивает от полыньи. Он попытался всплыть – не получилось, голова стукнулась о лед.

Пара гребков в сторону.

Всплыть.

Черт, опять лед.

Он закурился в воде в поисках светлого пятна, но вокруг была только чернота, ни малейшего проблеска света.

Куда плыть?

Страх – дикий, животный, первобытный – окатил холодом, стиснул сердце.

Жить!

Не сдаваться!

Еще несколько гребков.

Вверх.

Голова вновь уперлась в ледяной панцирь.

Мышцы сводило судорогой, грудь разрывалась от недостатка воздуха. Мысли путались, пока не осталась одна: «Вот и все».

И тут наступило спасительное забытие.

Глава 2

Жизнь после смерти

1

Распластавшись на льду, Косорылый пытался поддеть жердью тело Олега. Лед предательски трещал, но Толик не обращал внимания на опасность.

– Сейчас, сейчас, – бормотал он, елозя вокруг полыньи.

Импровизированный багор раз за разом опускался в воду, кроша кромку льда, но так ничего и не нащупал. Шуга колыхалась на поверхности, мешая что-либо разглядеть, но Косорылый не сдавался. Постанывая от натуги и нетерпения, он вновь и вновь опускал жердь. Лед у края полыньи намок, стал скользким, Толик чувствовал, что сползает в воду. Пришлось откатиться на сухое место – встать на ноги он не решился – и осторожно подползти к полынье с другого края. На это ушло несколько секунд. Жизненно необходимых секунд. На Бучека Толик не смотрел – сам как-нибудь справится, не до него сейчас.

Словак, стуча зубами и трясясь от холода, побрел к берегу. Вывернул на снег рюкзак – руки его при этом ощутимо дрожали – и принялся раздеваться.

Надежда таяла с каждой секундой, но Косорылый с еще большим остервенением опускал и опускал жердь в воду. Ледяная крошка носилась кругами на поверхности, но под ней ничего, кроме черной воды, не было.

– Ну что же ты... Давай... Давай же... – шептал Толик.

Потом вскочил на ноги, пробормотав: «Течение!» Его глаза стали совсем безумными. Опираясь на жердь как на посох, он бросился на берег. Намокшая спереди хламида сковывала движения, и Косорылый, рванув застежку, сбросил ее с плеч.

Бежать по обледенелым камням было непросто. Снег успел подтаять и образовал хрупкий, бугристый наст. Постоянно оскальзываясь и падая, глазами Толик искал закраину – полосу воды, свободную ото льда, – но ледовый панцирь прочно сковал реку. О том, что на пути могут встретиться ловушки, Косорылый не думал. Совсем позабыл про опасность. Каким-то чудом не влетел в раскорячившуюся между двух сосен «паутину», проскочил мимо пустившей синюю искру «сковородки». Для него сейчас вообще ничего не существовало, кроме единственной цели – найти друга. Не видел он и шаровую молнию, внезапно появившуюся за спиной. Зато Бучек, заметив плывущий за спиной сталкера ступок света, так и застыл с мокрым ботинком в руках.

Ослепительно-белый комок плазмы размером с теннисный мяч, сохраняя дистанцию, плыл по воздуху за проводником. Казалось, шар просто наблюдает, не желая афишировать свое присутствие. Он даже пригасил голубоватые разряды, которые время от времени вырывались из его сердцевины.

Косорылый успел порядком отдалиться от моста, фигурка Бучека на берегу выглядела крошечной, но ни одной промоины так и не увидел. Последняя надежда растаяла, когда Толик поравнялся со скальным выступом, подошедшим к самой воде. В этом месте дно реки становилось каменистым, и Толик надеялся, что усилившееся течение сумело подмыть лед и вынесло тело Олега на отмель. Но перед глазами по-прежнему простиралось ровное белое покрытие.

Окончательно потеряв надежду, Толик отбросил жердь и опустился на снег. Зачем-то с остервенением сорвал с головы шапку, в сердцах бросил ее под ноги и закрыл лицо руками. Его плечи сотрясались от рыданий. Шаровая молния зависла над головой сталкера, но спешно дернулась назад, когда он поднял лицо к небу.

– Почему? – тихо спросил он и вдруг вскочил на ноги. – Почему?! – заорал он, глядя в белое ничто. – Ты же могла его спасти!

В ответ не раздалось ни единого звука. Зона молчала. Безучастная и безмолвная.

Толик с силой ударил кулаком по стволу дерева и бил до тех пор, пока костяшки пальцев не начали кровить.

Молния, наблюдавшая за ним со стороны, резко метнулась вверх и схлопнулась в точку – Зона потеряла интерес к инциденту.

Косорылый пришел в себя, лишь услышав, как кто-то настойчиво повторяет его имя. Оказалось, Бучек успел переодеться и притащить два рюкзака. В руках он держал мокрую хламиду сталкера. С куртки Бучека на снег стекала тонкая струйка воды. Толик удивленно взглянул на словака – он словно забыл о клиенте – и машинально буркнул:

– Хоть бы отжал ее, не высохнет же.

Потом опять посмотрел наверх.

– Ты же могла спасти его, так почему же... – еле слышно произнес он. – Ты могла убрать с дороги эту чертову «медузу». Могла изменить гравитацию и не дать этому гребаному словаку проломить лед. В конце концов, могла остановить Олега! – Косорылый уже почти кричал. – Он же ради тебя дочь... А ты чем отплатила? Это твоя благодарность?

Рыдания сдавили горло, он задышался. Как же ему хотелось в этот момент, чтобы Зона ответила. Чтобы ударила гравитационной волной, долбанула электромагнитным импульсом, наслала орду мутантов – да что угодно! Только бы не молчала.

Косорылый опустил голову. Он не знал, что делать дальше.

Из оцепенения его вывел голос Бучека. Словак успел натаскать веток, сложил их кучкой, но запалить костер так и не сумел.

Толик нехотя поднялся, достал из рюкзака топорик – Феликс внимательно следил за его движениями, словно опасался, что сталкер с горя наложит на себя руки или, наоборот, набросится на него, но Толик всего лишь нарубил густого лапника. Потом легко справился с костром.

– Развесь мокрое, – бросил он. – Я метнусь до моста, заберу рюкзак Олега.

И, встретив обеспокоенный взгляд Бучека, добавил:

– Ворочусь, не бойся.

Когда Косорылый вернулся к костру, интерполовец уже вполне освоился, он даже сумел натопить снега и вскипятить чай. Одежда, аккуратно развешанная на ветках, сушились над огнем.

– А где рюкзак? – спросил он сталкера.

Толик озадаченно развел руками:

– Дык... – произнес он. – Не было его там.

– Может, на лед упал?

– Дык, посмотрел вроде. Нигде нет, как и не было.

Задумчиво хмуря лоб, Косорылый подсел к костру.

– Мутанты-сволочи уперли, – пробормотал он себе под нос. – Только зачем им?

Бучек вопросительно поднял брови – не понял, шутит сталкер или говорит серьезно, – и протянул Толику дымящуюся кружку.

– Я понимаю, вам сейчас кажется, что произошла огромная несправедливость, что так не должно быть, – проникновенно начал он, помешивая варево в котелке, – но человек не в силах постичь планы Всевышнего.

Толик мрачно уставился на словака:

– Хочешь сказать, у твоего Всевышнего был план убить Олега? Или ты это про Зону?

– Кстати, про Зону. Давно хотел спросить, что значит Зона для сталкеров? Это ведь не просто опасное место, где можно найти сокровище. Старатель тоже сокровище ищет, только

к прииску отношение у него сугубо утилитарное, как к рабочему месту. А для сталкера Зона – явно нечто большее. Так что?

– С сегодняшнего для она для меня сука неблагодарная, – отрезал Косорылый.

Он выплеснул чай на снег и поднялся.

– Все, уходим. Собирайся.

– Но... Да я и не обсох еще.

– По дороге высохнешь.

Толик хмуро уставился на клиента. Казалось, его взгляд говорил: «Не пойдешь? Ну и хрен с тобой, подыхай тут».

Однако Бучек не спешил подниматься. Он достал плоскую флягу, отвинтил пробку и, не скупясь, плеснул в кружку сталкера.

– За упокой души. Хороший ведь был человек.

Толик уже собирался сказать: «Лучше всех», – но спазм перехватил горло. Проводник кивнул и схватил кружку.

– Внезапная смерть забрала твоего друга, но Господь милостив, он видит твою скорбь и явит безграничное милосердие.

– На хрена мне чье-то милосердие! – злобно ощерился Косорылый, чувствуя, как спиртное забирает в голову. – А воскресить слабо? На хрена все эти всемогущие боги, если они ни черта не могут, только обещают...

Он явно нарывался на ссору, но словак лишь похлопал Косорылого по плечу и завел разговор о сталкерстве. Толик отвечал на вопросы Бучека неохотно. Мысли путались. Он вдруг сообразил: не нужно было пить. Сталкеры в Зоне не пьют – спирт здесь меняет химические свойства, иногда становится ядом, иногда простой водой, но чаще действует как психотропное средство с непредсказуемым эффектом. Никогда не знаешь, что потом: то ли жуть привидится – такая, что ломанешься не разбирая дороги до первой «расколотки», то ли скрутит так, что жить не захочется – горло ногтями раздирать начнешь, то ли, наоборот, эйфория накроет. Сознание затуманилось, Косорылый даже не сразу понял, что, подгоняемый наводящими расспросами Бучека, рассказывает об Альдо Пирасе и их вояже в Зону, но остановиться уже не мог.

2

Косорылый и раньше стоял особняком среди сталкерской братии – одиночка со странностями, но последние полгода он совсем крышей поехал. По крайней мере, так утверждали те, кто его давно знал. Все началось в августе, когда Толик вернулся из Зоны сам не свой. Надолго заперся в своей берлоге, в баре, где обычно проводил вечера, больше не появлялся, старых приятелей игнорировал. Когда его спрашивали, что случилось, отмалчивался – правду говорить не хотел и, что совсем уж странно, соврать не пытался. А там, в Зоне, явно что-то произошло.

Зато остальные не стеснялись. Рассказывали, будто в центре Зоны произошел взрыв. Будто некая корпорация провела эксперимент, который не понравился Зоне. Будто военизированная группировка схлестнулась со сталкерами, а мутанты напали на ученых. Это было правдой и неправдой одновременно. Лишь два человека в Булганске оказались очевидцами событий: Олег Гончар – сотрудник «Восточного Периметра» и Толик Косорылый – сталкер. И оба молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.